

Материал предоставлен **Центром Генеалогических Исследований**

<http://www.rosgenea.ru>

**Центр
Генеалогических
Исследований**

ОТДѢЛЪ II.

НАСЕЛЕНІЕ.

ГЛАВА IV.

Историческія судьбы Приуралья.

Н. I. Дрягина.

Остатки каменнаго вѣка и переходныхъ къ желѣзу эпохъ (употребленія мѣди и бронзы) въ могильникахъ и городищахъ. — Преданія о древнѣйшихъ обитателяхъ области: будинахъ, арамеяхъ, приуральской чуди и др. — Вліяніе восточной во- обще и болгарской въ частности культуры. — Серебряная Булгарія. — Великая Пермь или Біармія. — Пермьки и зыряне. — Остяки, угры. — Началѣ русской ко- лонизаціи изъ Новгорода. — Образование Вятской колоніи. — Колонизація Перми. — Покореніе Москвой Вятки и Перми. — Борба вятчанъ и пермяковъ за незави- симость. Башкирія и башкиры. — Первоначальная ея исторія. — Подчиненіе Москвѣ и русская колонизація. — Бунты. — Особенности экономическаго быта, внутренній гражданскій укладъ жизни Приуралья и культурные успѣхи его населенія.

Въ большей части Приуралья до настоящаго времени еще не най- дено несомнѣнныхъ культурныхъ слѣдовъ *палеолитической эпохи*, но нѣтъ ничего невозможнаго въ существованіи близъ Средняго и Южнаго Урала человѣка и въ эту отдаленнѣйшую эпоху одновременно съ ма- монтомъ и другими крупными млекопитающими. По среднему же тече- нію р. *Камы* найдены остатки этой эпохи.

Зато Приуральскій край изобилуетъ памятниками каменнаго вѣка позднѣйшей *неолитической эпохи*. Издѣлія изъ камня для потребностей домашняго обихода, для охоты и пр., находимыя въ Приуралѣ и При- камьѣ, уже достигаютъ въ эту эпоху довольно высокаго искусства. Съ другой стороны несомнѣнна продолжительность здѣсь каменнаго вѣка; нѣкоторыя преданія о немъ сохранила даже наша древняя письменность. Особенно обильны находки предметовъ каменнаго вѣка (долота изъ кремня и опоки, молоты, песчаниковые топоры — иногда обоюдоострые, стрѣлы, копья, скребки и пр.) — по р. *Камѣ* отъ с. *Танайки* до вер- ховьевъ рѣки, причемъ онѣ открываются не гнѣздами, а въ разброску.

Въ расцвѣтѣ каменнаго вѣка появляются уже издѣлія изъ метал- ловъ, для которыхъ Уральскія горы давали неистощимый запасъ. Была ли особая *мѣдная эпоха*, — еще пока не доказано, но несомнѣнно, что издѣлія изъ мѣди (въ кладахъ Оренбургской губ. и вообще по запад- ному склону Урала — топоры, серпы, молотки, кайла¹⁾ и т. п.) были

¹⁾ Землекопное орудіе.

широко распространены сначала по горному Уралу, а затѣмъ и по всему сѣверу Россіи. Особенно много находятъ мѣди — главнымъ образомъ въ чистомъ видѣ, а отчасти съ примѣсью олова — по Уралу въ такъ называемыхъ *чудскихъ копяхъ*¹⁾ (особенно на Южномъ Уралѣ) и въ *приуральскихъ могильникахъ*. Здѣсь же находятся слѣды и дальнѣйшаго *бронзоваго вѣка*.

Какъ мѣдныя, такъ бронзовыя издѣлія, находимыя въ могильникахъ и городищахъ между Уральскими горами и Волгой (топоры, копья, стрѣлы въ Елабужскомъ и Глазовскомъ у. — въ могильникахъ *Пьяноборскомъ* и *Котловскомъ*), по внѣшнему виду болѣе сходны съ таковыми же издѣліями Азіа, чѣмъ Западной Европы, что ясно указываетъ на азіатское происхожденіе культуры Приуралья и на первоначальную колонизацію его именно азіатской расой. Къ бронзовому вѣку ученые относятъ происхожденіе *каменныхъ бабъ*, изъ которыхъ самыя древнія, болѣе грубыя найдены въ Оренбургской губ. Самымъ же интереснымъ памятникомъ времени расцвѣта бронзовой и мѣдной культуры, когда человѣкъ научился уже употреблять и желѣзо (начало *желѣзнаго вѣка*), но не совсѣмъ еще отказался и отъ каменныхъ орудій, является *Ананьинскій* могильникъ²⁾ (въ 4 в. отъ г. Елабуги, близъ д. *Ананьиной*), на песчаной равнинѣ по скату берега р. Камы вблизи стараго русла р. *Тоймы*. Несомнѣнно это было кладбище, но не мусульманское (у мусульманъ не сжигаютъ умершихъ, а здѣсь изъ 46 труповъ 14 сожжены) и не славянское, а какой-то чудско-булгарской народности. Среди найденныхъ здѣсь предметовъ вооруженія, принадлежностей (украшеній) костюма и домашней утвари (кельтскаго типа топоры, сѣкиры, кинжалы, копья, стрѣлы, головные обручи, налобники, кольца, наборы изъ бляшекъ, браслеты, пряжки, ножи, точильные камни, шила, иглы, буравы, серпы, долота и т. д.) наибольшимъ совершенствомъ и значительной претензіей на изящный вкусъ (хорошо отлиты и украшены узорами) отличаются бронзовыя издѣлія предметовъ вооруженія (сѣкиры, кинжалы); издѣлія же изъ желѣза грубы и даютъ впечатлѣніе простаго воспроизведенія съ мѣдныхъ и бронзовыхъ издѣлій. Наряду съ металлическими встрѣчаются издѣлія изъ глазурованной глины, камня (боевые молоты), кремня (стрѣлы), изъ стекла и янтаря (последнія въ очень ограниченномъ количествѣ). Слѣдуетъ наконецъ отмѣтить, что здѣсь же открыты сѣмена гречихи, шалфея и какого-то растенія, напоминающаго коноплю.

Слѣдовъ желѣзной культуры много и въ другихъ мѣстахъ Приуралья. Несомнѣнно, что и эта культура азіатскаго происхожденія. Одновременно съ желѣзомъ чаще, чѣмъ въ предыдущія эпохи, встрѣчается

1) „Чудскими копиями“ сильно пользовались позднѣйшіе русскіе поселенцы при своихъ развѣдкахъ рудныхъ мѣсторожденій, совершенно такъ-же какъ это было на Алтаѣ (ср. „Россія“, т. XVI, стр. 150, 502, 504, 513, 528). Это очень узкіе, иногда глубокіе ходы подъ землей. Судя по находкамъ, мѣдь добывалась здѣсь при помощи или каменныхъ орудій, или мѣдныхъ кирокъ и мотыгъ изъ оленьихъ роговъ. Для защиты рукъ „чудскіе“ рудокопы употребляли рукавицы изъ шкурокъ съ головы животныхъ, причемъ большой палецъ засовывался въ ухо, остальные же — внутрь головы.

2) Названіе „могильникъ“ дано крестьянами. Могильникъ этотъ, какъ и вообще могильники бронзоваго вѣка, невысокій.

стекло, какъ предметъ домашняго обихода и какъ украшеніе (бусы, считавшіяся дорогимъ украшеніемъ).

Одинъ изъ ислѣдователей прикамскихъ чудскихъ городищъ и „костищъ“¹⁾ даетъ такую общую характеристику ихъ: „первое условіе, что требовалось для чуди — неприступность жилья. Городища строились на высокихъ мѣстахъ, скаты искусственно дѣлались круче; у подножья горы — съ одной стороны болото, съ другой — рѣка или озеро. Отъ смежной высоты городищенская площадка отдѣляется тройной системой валовъ, идущихъ отъ одного обрыва къ другому. Площадка мала; на ней, если только тамъ были строенія, могло помѣститься не болѣе 10 — 30 дворовъ. Строенія могли быть только деревянными: нигдѣ никакихъ слѣдовъ камня нѣтъ. Находки вещей дѣлаются рѣдко на самой площадкѣ, чаще вблизи отъ нея. Городища не разбросаны произвольно; они не стоятъ особнякомъ; напротивъ, они кучатся вмѣстѣ, отстоя одно отъ другого верстъ на 5 — 10, такъ что предоставляютъ ассоціаціи, группы городищъ“ (Ивановъ).

Первыя смутныя полуисторическія преданія о Приуральѣ и его обитателяхъ относятся, если дать нѣкоторый просторъ болѣе остроумнымъ, чѣмъ основаннымъ на дѣйствительныхъ фактахъ догадкамъ (какъ это и дѣлается нѣкоторыми ислѣдователями²⁾), еще къ глубокой древности. Къ такимъ догадкамъ относится, напр., предположеніе, что баснословныя сказанія Геродота, Діодора Сицилійскаго и Полибія о блаженныхъ *ипербореяхъ* могутъ имѣть отношеніе къ древнимъ обитателямъ нашей области, что *исседоны* были племенемъ, занимавшихъ долину р. *Исети*, даже больше того — подъ геродотовыми *будинами* (рыжеволосые, съ голубыми глазами), будто-бы, надо разумѣть вотяковъ, что о нихъ же упоминаетъ Плиній подъ именемъ *арамеевъ*³⁾, что городъ *Гелонъ*, до котораго добрался Дарій Гистаспъ, преслѣдуя скифовъ (512 г. до Р. Х.), стоялъ будто бы бокъ-о-бокъ съ нынѣшней Елабугой („*Чортотова Городище*“ — см. далѣе). Основаніе самой *Елабуи* (*Алабуи*)⁴⁾ одна мусульманская хроника XVI в. приписываетъ будто-бы Александру Македонскому; Саксонъ Грамматикъ повѣствуетъ о какомъ-то пермскомъ королѣ Кузо, который царствовалъ еще до Рождества Христова (географическія названія селеній *Кузьма* и *Кезь* дѣйствительно имѣются близъ границъ Вятской и Пермской губ.). О пермякахъ (*permi*), какъ о весьма древнемъ народѣ, говоритъ византійскій историкъ Халкокондилъ и т. д.

Однимъ изъ первыхъ дѣйствительно историческихъ свидѣтельствъ является разсказъ Ибнъ-Даста о *приуральской чуди*, которая на зиму поселяется въ ямахъ, покрытыхъ деревянной крышей и засыпанныхъ сверху землей. У Юрнанда въ искаженныхъ именахъ народовъ, покоренныхъ готскимъ королемъ Германарихомъ, можно узнать (по мнѣнію историка Соловьева) чудь, весь, мерю, мордву, *черемису* и даже *пермь*

¹⁾ Въ у. у. Глазовскомъ (при д. д. *Гридинъ*, *Серинъ*, *Бисеровой*, с. *Егорьевскомъ*), Слободскомъ (при д. *Лойнахъ* и с. *Гудаевъ*), Чердынскомъ (городища *Кудеевское*, *Пятиторское*, въ окрестностяхъ с. *Урловки*, близъ д. д. *Б. Кочи*, *Пелма* и др.), Соликамскомъ (при с. *Кудымкаръ* на р. *Иньга*, с. *Куростъ*, д. *Пустоноговой* на р. *Обва*) и др.

²⁾ Штраленбергъ, Зографъ, Рычковъ, Зябловскій, мѣстные (вятскіе) историки Шишкинъ, Вештомовъ и др.

³⁾ Аръ, отсюда гор. Арскъ, арскіе князья и т. д.

⁴⁾ Городъ при устьѣ р. *Туймы* (*Тоймы*).

(пермяковъ). Во времена Страбона предполагаемые предки нынѣшнихъ *вотяковъ* Вятской а отчасти и Пермской губ. — *уды* (utii) жили въ прикаспійскихъ степяхъ по р. Кумѣ (Удѣ-Донѣ). Они явились сюда изъ Азіи (отдѣлившись отъ другой вѣтви вотскаго народа, которая поселилась въ предѣлахъ Петербургской и Новгородской губ. — *Водская пятина*), а позднѣе расселились по верховьямъ р. *Вятки*.

Вѣроятно болѣе поздними выходцами изъ Азіи были *черемисы* — другая обширная финская вѣтвь аборигеновъ Вятскаго края. На обширной площади Вятской страны черемисы заняли главнымъ образомъ западную ея часть, а вотяки — восточную. Въ общемъ это территориальное размежеваніе между вотяками и черемисами сохранилось и до настоящаго времени. Самый характеръ поселенія — въ непроходимыхъ лѣсныхъ дебряхъ — долгое время обуславливалъ коренное занятіе двухъ разсматриваемыхъ народностей — звѣроловство. Необыкновенное и, можно сказать, единственное во всей Европейской Россіи развитіе посѣвовъ *полбы* какъ разъ на территоріи бывшей Камской Булгаріи косвенно указываетъ на древность земледѣльческой культуры западнаго Приуралья и Прикамья. Полба — хлѣбъ, упоминаемый Гомеромъ. Весьма вѣроятно, что, получая главную массу пшеницы отъ скивовъ изъ предѣловъ нынѣшней Новороссіи, древніе греки получали въ то-же время полбу съ Волги и Камы посредствомъ Волго-Донской перволоки, черезъ свою колонію Танаисъ въ устьяхъ Дона. Но лишь во времена Нестора мы уже находимъ прямыя указанія на земледѣльческую культуру западнаго Приуралья. Затѣмъ древніе греки, знавшіе, правда больше по наслышкѣ *Рипейскія*, *Римнійскія* и *Норосскія* горы (Сѣверный, Средній и Южный Уралъ), при посредствѣ скивовъ получали повидимому отъ здѣшнихъ инородцевъ нужные имъ для изящныхъ издѣлій драгоценныя камни и металлы; однако выработанныя греками произведенія изъ нихъ застрѣвали, въ качествѣ платы за хлѣбъ или откупа за безпрепятственный провозъ товаровъ черезъ южныя степи, въ рукахъ посредниковъ — скивовъ и не доходили сюда.

Итакъ древними обитателями Приуралья были разныя тюркскія и „чудскія“ (финскія) племена, которыя изъ Азіи принесли свою первоначальную культуру. Впослѣдствіи, уже въ первыя времена христіанской эры эти племена подпали подъ иранское и арабское вліяніе, шедшее, вмѣстѣ съ торговыми сношеніями арабовъ, съ Каспійскаго моря вверхъ по Волгѣ и Камѣ. Позднѣе же, а отчасти и одновременно съ восточной, замѣтны также слѣды вліянія и византійско-христіанской культуры, такъ какъ греки не забыли своихъ древнихъ сношеній съ Ураломъ черезъ Танаисъ. Французскому писателю Леруа-Болье Приуралье напоминаетъ Януса съ двумя лицами — западнымъ и восточнымъ, западнымъ по кости лица (европейская колонія), восточнымъ — по старческому выраженію (азиатская монархія).

Извѣстно, что въ эпоху Сассанидов¹⁾ восточная торговля распространилась до береговъ рр. *Камы* и *Вятки*. Въ предѣлахъ нынѣшней Вятской и Пермской губ. находятъ монеты, сосуды и блюда съ персидскими и арабскими надписями, причемъ сосуды по стилю, тех-

¹⁾ Ново-персидская династія царей первыхъ вѣковъ нашей эры (226—651 г.г.)

никѣ и изображеніямъ (охотничьихъ сценъ, животныхъ) на нихъ очень напоминаютъ именно сассанидскіе сосуды¹⁾.

Находокъ, подобныхъ только-что указаннымъ, такъ много, что онѣ свободно объясняютъ извѣстное преданіе о „закамскомъ серебрѣ“ и вообще о богатствахъ пермской страны.

Повидимому на перемѣщенія аборигеновъ Урала наибольшее вліяніе оказала сильная гуннская волна „великаго переселенія народовъ“ (IV—V в. послѣ Р. Х.). Эта волна сама, собственно говоря, прошла лишь по южному краю Приуралья, именно по среднему теченію р. *Яика* (*Урала*), но она захватила въ свою струю и всю лѣсостепь, подобно тому, какъ захватывали ее и поднѣйшія кочевья волны изъ Азіи. До этой эпохи лѣсная и лѣсостепная части Уральской горной страны были заняты финнами—пермяками, вогулами, ближайшими родственниками послѣднихъ—югрой или уграми (венграми) и др. Послѣдніе ушли съ гуннами на юго-западъ, а на ихъ мѣстѣ появилось тюркское племя башкиръ, ранѣе того повидимому жившее въ Западной Сибири въ сосѣдствѣ съ остяками. Вотяки, жившіе въ Волжскомъ и С.-Двинскомъ бассейнахъ, были потѣснены съ юга черемисами и булгарами (предполагаемыми предками чувашъ) и прижаты ближе къ Уралу.

Гуннская волна имѣла великія послѣдствія для равнины Европейской Россіи и горной Уральской страны: жившія въ то время только въ западной половинѣ этой равнины славянскія племена освободились отъ владычества готовъ, а въ восточной половинѣ равнины, въ Волжскомъ бассейнѣ образовалось два могущественныхъ царства—хазарь и болгарь, оказавшихъ значительное вліяніе на дальнѣйшее историческое развитіе Приуралья.

Огромную роль въ культурныхъ судьбахъ Приуральскаго края сыграло финно-тюркское племя *буларь*, основавшихъ въ Среднемъ Поволжьѣ и Нижнемъ Прикамьѣ знаменитое Булгарское царство (см. подробнѣе въ VI т. „Россіи“). Роль эта была отчасти самостоятельная, главнымъ же образомъ посредническая: булгары являлись проводниками восточныхъ культурныхъ вліяній.

Прежде всего существуетъ предположеніе, въ которомъ нѣтъ ничего невѣроятнаго, что первоначальный центръ древняго Булгарскаго царства былъ въ предѣлахъ Приуральскаго края—именно по р. *Бѣлой*. Далѣе многіе историки раздѣляютъ мнѣніе, что булгарскій „славный городъ *Брахимовъ*“, одинъ изъ пяти, которые въ 1164 году, во время похода на болгарь взялъ кн. Андрей Боголюбскій, стоялъ на мѣстѣ *Чортова Городища* (*Суддумъ*—по татарски) по р. *Камь* близъ теперешней Елабуги. Раскопки „Чортова Городища“ дѣйствительно показали, что здѣсь было обиталище старыхъ язычествующихъ булгаръ съ капищемъ, оракуломъ и жрецами. Здѣсь, по выраженію нашего лѣтописца, „бѣсъ отъ многихъ лѣтъ мечты творилъ“, откуда и самое названіе, употреблявшееся среди русскихъ въ XVI вѣкѣ,—*Бѣсовское Городище*.

¹⁾ Напр., 1851 г. близъ д. *Шестаковой* Красноуфимскаго у. былъ найденъ кладъ, въ которомъ помимо разныхъ другихъ предметовъ (серебрянаго ковшика вѣсомъ въ 2½ ф., серебрянаго витого жгута съ застежками, подвѣсокъ, серегъ, обломковъ золотыхъ перстней, ожерелій изъ бусъ чернаго хрустала, сердолика и др. камней) оказалось 20 монетъ сассанидскихъ, византійскихъ и индо-бактрійскихъ V—VI в.в.

Судя по металлическимъ находкамъ съ изображеніями бараньей и змѣиной головъ, нужно полагать, что божество и олицетворялось въ видѣ этихъ животныхъ. На культуру болгаръ указываетъ характеръ земляныхъ укрѣпленій — рововъ, валовъ, а также каменныхъ стѣнъ съ башнями. Слѣды болгарскаго вліянія открываются и въ другихъ частяхъ Приуралья. Такъ, въ г. *Далматовъ* Пермской губ. до сихъ поръ уцѣлѣли въ монастырской церкви куполы, устроенные на подобіе сводовъ въ бывшемъ болгарскомъ (монастырскомъ) погребѣ. Въ уу. Пермскомъ и Оханскомъ и теперь существуютъ селенія съ названіемъ *Бумары*. Памятники „чудско-булгарской“ культуры новѣйшей археологіей во множествѣ открыты по р. *Чепць* (впадающей въ р. Вятку). Вся Вятская область, по мнѣнію иныхъ, была болгарской провинціей и называлась *Серебряной (Нукратъ) Бумаріей*. Словомъ всюду въ предѣлахъ нынѣшнихъ Вятской и Пермской губ. приходится наталкиваться на напоминанія о древнемъ „Булгарскомъ союзѣ“, и это нисколько не удивительно уже по тому одному, что „Великіе Булгары были ярмаркой для всего края“.

Часть болгаръ, по примѣру части югры (перекочевывавшей постепенно черезъ русскія степи въ Венгрію), тѣсняемая сосѣдями, при усиленіи кочевыхъ волнъ изъ Азіи, переселилась на Дунай, гдѣ, смѣшавшись со славянами, дала начало племени современныхъ болгаръ.

Самыя прочныя торговыя и другія связи съ Камской Булгаріей — съ одной стороны — и со скандинавами — съ другой — имѣла знаменитая въ древности *Біармія* (скандинавское названіе), или *Великая Пермь*¹⁾ (русское названіе), эта — „Украина финскаго міра“. Невозможно опредѣлить точныхъ границъ Біарміи. Несомнѣнно только, что она захватывала сѣверныя части нынѣшнихъ губерній Пермской и Вятской и выходила за предѣлы этихъ губерній, въ особенности на сѣверъ. Издавними обитателями этого края, появившимися изъ Азіи (Тацитъ относитъ это появленіе ко временамъ еще дохристіанскимъ), были чудско-финскія племена („чудаки“) пермяковъ (финны прикамскіе) и зырянъ (финны вычегодскіе)²⁾. Въ глубокой древности пермяки и зыряне составляли одну народность, извѣстную подъ именемъ *заволоцкой чуди*, а позднѣе очень долго объединялись подъ названіемъ *пермянь*. При первоначальномъ своемъ появленіи въ Европѣ они были кочующимъ народомъ, но уже во времена нашего перваго лѣтописца имѣли жилища, домашнихъ животныхъ (козъ, свиней), свойственныхъ обшдному быту, хотя и занимались еще главнымъ образомъ звѣрловствомъ.

Первое описаніе Біарміи далъ въ 870 г. норвежець Отеръ, бывшій на службѣ англійскаго короля Альфреда. Отеръ повѣствуетъ о біармійцахъ, какъ о многочисленномъ и сильномъ народѣ, проникнуть внутрь страны котораго (съ устья С. Двины) онъ не осмѣлился. Языкъ біармійцевъ онъ отождествляетъ съ финскимъ и свидѣтельствуетъ, что земля ихъ хорошо обработана. Однако мѣха и моржевые клыки — вотъ все, что увезъ отъ жителей этой страны Отеръ. Со вре-

¹⁾ Названіе Пермь (Перемь) впервые употребляется въ русской грамотѣ, относящейся къ 1263 году.

²⁾ Дальнѣйшія свѣдѣнія о первыхъ см. здѣсь въ гл. V, а вторыхъ — въ IV томѣ „Россіи“.

мень Отера завязались постоянныя сношенія лучшихъ мореходовъ того времени — норманновъ съ Біарміей, причемъ въ сказаніяхъ объ этихъ сношеніяхъ неизмѣнно выставляются пушныя и горныя богатства Біарміи. Скандинавскія саги много говорятъ о знаменитомъ въ Біарміи идолѣ Юмалѣ (по фински значитъ Богъ) и необычайныхъ богатствахъ его капища. Имя Юмалы доказываетъ общность религіозныхъ представленій древнихъ біармійцевъ со всеми финскими народами, которые принесли съ собой (изъ Азіи), по выраженію одного ученаго, лишь „немного шаманства“, вполне же сформированнаго религіознаго ученія не имѣли. Всѣ эти разказы повидимому несомнѣнно намекаютъ на естественное богатство Урала драгоценными камнями, золотомъ и пушшиной. Наличие же такого рода естественныхъ богатствъ, при воинственности племени, ими распоряжавшагося, неизмѣнно порождала въ средніе вѣка легенды о „могущественномъ царствѣ“, котораго на самомъ дѣлѣ могло и не быть; независимость Біарміи обуславливалась лишь ея естественной недоступностью. Послѣднее извѣстіе о путешествіи норманновъ къ біармійцамъ относится къ 1222 году, и съ этого времени Біармія покрывается полнымъ мракомъ забвенія для западныхъ европейцевъ. Это объясняется повидимому тѣмъ, что новгородская колонизація сѣвера Россіи къ тому времени получила перевѣсъ, и пути для норвежцевъ были закрыты новгородцами окончательно.

Что касается древнѣйшихъ слѣдовъ византійско-христіанской культуры, то слѣды эти въ Приуральѣ замѣтны далеко менѣе, чѣмъ слѣды восточной, сначала языческой, а потомъ магометанской культуры. Правда, помимо византійскихъ монетъ и предметовъ домашней утвари во многихъ мѣстахъ по обоимъ склонамъ Урала въ древнихъ курганахъ находили натѣльные крестики, христіанскіе знаки на древнихъ зданіяхъ и остатки гробовъ, свидѣтельствующіе о христіанскомъ обрядѣ погребенія, однако приходится признать недоказаннымъ, относятся ли эти слѣды къ первымъ вѣкамъ христіанства, или принадлежатъ къ позднѣйшему времени татарскаго владычества, когда несомнѣнно среди татаръ могли находиться плѣнники изъ христіанъ. Во всякомъ случаѣ, если Приуралье и видѣло въ первые же вѣка нашей эры христіанъ, то послѣдніе современемъ были или изгнаны, или истреблены, не оставивъ въ области духовнаго наслѣдія, и русскимъ, при первыхъ попыткахъ колонизаціи этого края, пришлось натолкнуться или на язычество, или на магометанство. Такимъ образомъ насажденіе въ краѣ прочныхъ началъ христіанства есть самостоятельное дѣло русскихъ колонизаторовъ.

Начало русскихъ сношеній, *русской колонизаціи* и ея вліянія на Приуралье безъ натяжекъ можно отнести лишь къ XI — XII вв. Съ XI в. началась новгородская колонизація на сѣверо-востокъ — въ бассейны С. Двины, Вятки и Камы, въ Заволоцкую Чудь, вплоть до Уральскаго хребта и даже далѣе. Изъ племенъ заволоцкой чуди начальнѣйшій лѣтописецъ называетъ *пермь, печеру, угру* (югру, т. е. предковъ венгровъ или мадьяръ) и *самоядь*.

Подъ пермью, нужно думать, разумѣлись и *зыряне*. Югра, населенная первоначально предгорья Урала, частью еще на зарѣ русской исторіи черезъ русскую лѣсостепь и степь продвинулась, захлестываяе-

мая волнами другихъ кочевниковъ, въ нынѣшнюю Венгрію (Угрію); остатки же ея на Уралѣ позднѣе были вытѣснены за хребетъ, гдѣ и отстаивали свою независимость до конца XII в. и гдѣ память о нихъ сохранилась у наслѣдниковъ югорскихъ земель, ближайшихъ родственниковъ югры — *вогуловъ* и *остяковъ*; зыряне до сихъ поръ зауральскихъ остяковъ называютъ югрой.

Первыми проникли въ „Заволоцкую Чудь“ и, подвигаясь все далѣе, перешли „Увалы“ *новгородцы*, которыхъ вынуждала къ тому мирная погоня за сѣверно-рускими и азиатскими товарами (главнымъ образомъ за мѣхами) для обмѣна съ забалтійскими гостями. Но было и другое течение, едвали не болѣе широкое и во всякомъ случаѣ болѣе колонизирующее—это бродяжничество новгородской вольницы, „безъ новгородскаго слова“ утекавшей отъ мѣстныхъ неурядицъ и обидъ искать счастья въ маловѣдомыя страны сѣверо-востока. Это они—новгородскіе *ушкуйники* положили начало тому колонизаціонному потоку, который разлился потомъ широкой, неудержимой волной, захватывая на длинномъ историческомъ пути—вплоть до нашихъ дней—все недовольное въ русскомъ народѣ, сначала — татарскими насиліями, потомъ московскимъ жестокимъ „правежемъ“ и „тяжестями“, „никоніанской ересью“, —неправдами крѣпостныхъ порядковъ, рекрутчиной, онѣмеченіемъ и т. д. и т. д. Это движеніе первоначально совершалось безъ вѣдома и даже вопреки намѣреніямъ русской власти съ ея стремленіями главнымъ образомъ на западъ и югъ; такимъ образомъ былъ заселенъ сѣверо-востокъ Россіи, колонизованы Оренбургскія степи и покорена Сибирь. Власть шла уже по слѣдамъ невѣдомыхъ большею частью завоевателей — ушкуйниковъ, монаховъ, раскольниковъ, „удалыхъ добрыхъ молодцовъ“ разбойниковъ — и „тихимъ московскимъ обычаемъ“ прибирала къ рукамъ новыя мѣста, не всегда вполне даже сразу понимая значеніе своихъ сравнительно легкихъ завоеваній.

Уже въ 1096 г. въ лѣтописи упоминается о сношеніи новгородцевъ съ *Печерой* (см. IV томъ „Россіи“), которая называется данницей Новгорода. Очевидно въ это время и даже еще ранѣе такой же данницей была и *Великая Пермь*, которая занимала сѣверо-восточную часть Приуралья приблизительно въ границахъ нынѣшнихъ уѣздовъ Пермскаго, Оханскаго, Соликамскаго, Чердынскаго, Глазовскаго и Слободскаго, и черезъ которую лежалъ единственный тогда путь „въ Печору“. Черезъ столѣтіе (1193 г.) мы узнаемъ о форменномъ — очень неудачномъ походѣ новгородцевъ съ воеводой Ядреемъ еще далѣе за Уралъ — на югру, къ вогуламъ и остякамъ. Съ этого времени нерѣдко встрѣчаются извѣстія о походахъ новгородскихъ отрядовъ въ Заволочье, а равно и о томъ, что эти походы часто кончались разгромомъ со стороны туземцевъ: недаромъ у новгородцевъ сложилась басня объ исполнскихъ силахъ и ростѣ „чудаковъ“¹⁾. Съ XIII в. Пермь, Печора и Югра неизмѣнно въ договорныхъ грамотахъ Новгорода называются въ числѣ новгородскихъ волостей, но совершенно еще отсутствуютъ указанія на то, чтобы новгородцы имѣли здѣсь свои поселенія.

¹⁾ Героизмъ „чудаковъ“, по новгородскому преданію, проявился между прочимъ въ томъ, что они при нашествіи русскихъ сами себя закапывали въ землю.

Первыя же въ собственномъ смыслѣ колоніи въ предѣлахъ Приуралья были основаны новгородцами повидимому не ранѣе второй половины XIV в. Въ 1374 г. „ушкуйницы-разбойницы“ въ двѣ партіи (въ 50 и 40 ушкуй) занимались грабежомъ по рр. Вяткѣ и Волгѣ. Очень вѣроятно, что къ этому именно нашествію и относится основаніе Вятской колоніи, первыми поселеніями которой явились сс. *Никулицыно*¹⁾ (построенное на мѣстѣ разрушеннаго чудского городка „*Болванска*“ — въ 12 в. отъ г. Вятки), *Котельничъ* (на мѣстѣ бывшаго черемисскаго городка *Кокшарова*) и *Хлыновъ* (на мѣстѣ нынѣшней Вятки).

До послѣдняго времени историками давалась полная вѣра „Повѣсти о странѣ Вятской“, которая основаніе первыхъ русскихъ поселеній на Вяткѣ относитъ къ 1174 г. Но теперь, на основаніи критическихъ изысканій мѣстныхъ историковъ (А. С. Верещагина и др.), многіе признаютъ эту повѣсть, доведенную до половины XVI вѣка, не вполне достовѣрной. Весьма возможно (какъ предполагаетъ А. С. Верещагинъ), что показаніе „Повѣсти“ о годѣ основанія Вятской колоніи — простая описка: согласно лѣтосчисленію того времени этотъ годъ помѣченъ 6682; если допустить, что переписчикъ поставилъ вторую (слѣва) цифру 6 вмѣсто 8, то и получится подлинная дата 6882, какъ разъ отвѣчающая тому году (1374 г.), къ которому относится упомянутый выше исторически несомнѣнный набѣгъ новгородскихъ ушкуйниковъ на Вятку²⁾.

Въ основанныя на Вяткѣ колоніи быстро стали притекать „сходцы“ изъ того же Новгорода, изъ Устюга, вообще съ С. Двины и другихъ мѣстъ. „Вятская община (по Соловьеву) стала на сѣверо-востокѣ притономъ всѣхъ бѣглецовъ, подобно южному Берладу и Тмутаракани“. Постепенно возникли и другія поселенія — *Слободской*, *Орловъ* и пр. Въ какой послѣдовательности и когда возникли вятскіе города, неизвѣстно. Вятскія слободы въ первый разъ упоминаются въ 1428 г., а города — въ 1436 г. Основываясь независимыми общинами вѣроятно съ тѣми же вѣчевыми порядками, съ которыми жили на родинѣ, новгородцы на первыхъ порахъ не хотѣли признавать ничьей внѣшней власти, („нравы свои отческіе и законы и обычаи новгородскіе имѣли“), сами же въ отношеніи окружающихъ народностей держались наступательнаго образа дѣйствій. Въ 1471 г. вятчане между прочимъ проникли по Волгѣ до Сарая, произвели здѣсь разгромъ и съ хорошей добычей возвратились восвояси. „Малочисленный народъ Вятки, управляемый законами демократіи, сдѣлался ужасенъ своими дерзкими разбоями, не щадя и самыхъ единоплеменниковъ“ (Карамзинъ). Разумѣется, жестоко доставалось и новымъ поселенцамъ. Аборигены инородцы — черемисы, вотяки — долго не мирились съ захватомъ ихъ исконныхъ земель и при всякомъ удобномъ случаѣ метили. Татарская Казань также давала о себѣ знать. Въ 1391 г. царевичъ Бектуть пропелъ разгромомъ всю Вятскую страну и полонилъ многихъ жителей. Едва-

1) Отъ Никулицынскаго городища до настоящаго времени сохранились рвы и валы.

2) Нельзя впрочемъ вполне отрицать и того что, какъ это нерѣдко бываетъ съ лѣтописными извѣстіями, Хлыновъ XIV вѣка могъ быть основанъ ушкуйниками вторично на мѣстѣ пришедшаго въ упадокъ болѣе древняго новгородскаго городка, имѣвшаго значеніе укрѣпленной факторіи, хотя бы XII в. Ред.

ли есть на Руси другой край, гдѣ-бы сохранилось столько же, какъ на Вяткѣ, народныхъ преданій о всевозможныхъ знаменіяхъ, чудесахъ, явленныхъ иконахъ и т. п., появленіе которыхъ связано съ перипетіями непрерывной борьбы бродячаго элемента съ туземнымъ. Оригинальнымъ свидѣтелемъ той же борьбы служатъ многочисленныя въ Вятскомъ краѣ старинныя подземныя ходы, открытыя близъ г. *Вятки*, слободы *Кукарки* и во многихъ мѣстахъ по берегамъ р. *Камы*. Само собою разумѣется, что удобному устройству такихъ ходовъ здѣсь способствовали естественныя подземныя пустоты, столь свойственныя развитымъ здѣсь горнымъ породамъ пермскаго геологическаго періода. Мѣстами ходы эти укрѣплены каменной кладкой или дубовыми досками; встрѣчаются въ подземельяхъ и дубовыя двери.

Таковы же въ общемъ были отношенія Новгорода и къ Перми Великой. Первое опредѣленное указаніе на то, что Пермь была включена въ число новгородскихъ волостей, относится къ 1263 г. Подчиненіе Новгороду и здѣсь выражалось лишь данью, въ остальныхъ же отношеніяхъ страна была свободна, управляясь своими князьями. Въ новгородскій періодъ исторіи здѣсь были извѣстны четыре города: *Искоръ* (Чердынскаго у.) *Урость*, *Чердынь* и *Покча* ¹⁾ (въ *Нижнемъ* и *Окологородномъ* станахъ). Въ 1430 г. возникло *Усолъе Камское* (потомъ городъ *Солкамскъ*), уже чисто русское и притомъ значительное поселеніе, основанное первыми приуральскими солеварами — посадскими людьми Калашниковыми.

Недолго однако держалась и эта слабая зависимость отъ новгородской метрополии. Всепоглощающее стремленіе московской диктатуры скоро обратилось и на Приуральскій край. Москвѣ нужны были восточныя волости Новгорода не только затѣмъ же, затѣмъ и Новгороду — для приумноженія богатствъ, но и въ политическихъ расчетахъ ослабленія силы непокорнаго Новгорода. Впрочемъ событія удѣльнаго періода, когда „сѣялись и росли на Руси усобицы“, благоприятствовала вятчанамъ и пермякамъ отстаивать свою независимость. Удѣльные князья, договорами съ Москвой и въ силу завѣщаній вступавшіе въ княженіе на Вяткѣ, собственно носили только почетный титулъ, очень мало повидимому извлекая отсюда въ матеріальномъ смыслѣ и развѣ что получая помощь вооруженной силой противъ Москвы же. Дѣйствительно Вятка и Пермь неразъ выступали союзницами недруговъ Москвы. Съ особенной силой непокорство вятчанъ сказалось въ формальномъ союзѣ противъ Москвы, заключенномъ съ казанскимъ царевичемъ Ибрагимомъ и подписанномъ выборными людьми г. Хлынова (1468 г.). Черезъ нѣсколько лѣтъ (1485 г.), во время похода Москвы противъ Казани вятчане опять „отступили отъ великаго князя“, который силой заставилъ ихъ смириться, но ненадолго. Наконецъ въ 1489 г. Иванъ III, собравъ рать изъ 64 тысячъ человекъ, среди которыхъ были устюжане, двиняне, вологжане, даже татары, принудилъ вятско-новгородскую колонію признать власть Москвы и войти въ составъ московскихъ владѣній: „покоряемся на всей волѣ великаго князя и дань и службу даемъ“.

¹⁾ Искоръ и Покча низведены были потомъ на степень погостовъ, а Урость исчезъ безслѣдно. Чердынь, время основанія которой въ точности неизвѣстно, по преданію четыре раза мѣняла свое мѣсто.

Еще ранѣе признала надъ собою власть Москвы Пермь. Въ 1471 г. подчинилась *Пермь Вычегодская*, а на слѣдующій годъ—*Пермь Чусовая*. Съ этого времени пошло успѣшное заселеніе западной части Приуралья. Инородцы Прикамья, уступивъ свои старыя мѣста по Камѣ и ея притокамъ, удалились вглубь лѣсовъ. Въ половинѣ XVI в. колонизація перенеслась уже на восточный склонъ Урала, гдѣ между прочимъ въ 1598 г. возникло *Верхотурье* (съ 1698 г.—городъ)—важный промежуточный пунктъ вновь проложенной тогда кратчайшей дороги (*Государева Верхотурская дорога*) изъ Перми Великой (отъ Соликамска) въ Сибирь. Формальное подчиненіе однако не изгладило памяти о прежнихъ независимыхъ порядкахъ и обособленности жителей Вятскаго и Пермскаго краевъ. Память эта въ дальнѣйшей исторіи края сказывалась всякій разъ, какъ на московскомъ, а затѣмъ на петербургскомъ политическомъ горизонтѣ появлялись тучи, и мѣстное инородческое населеніе, увлекавшее и русскихъ, подымалось.

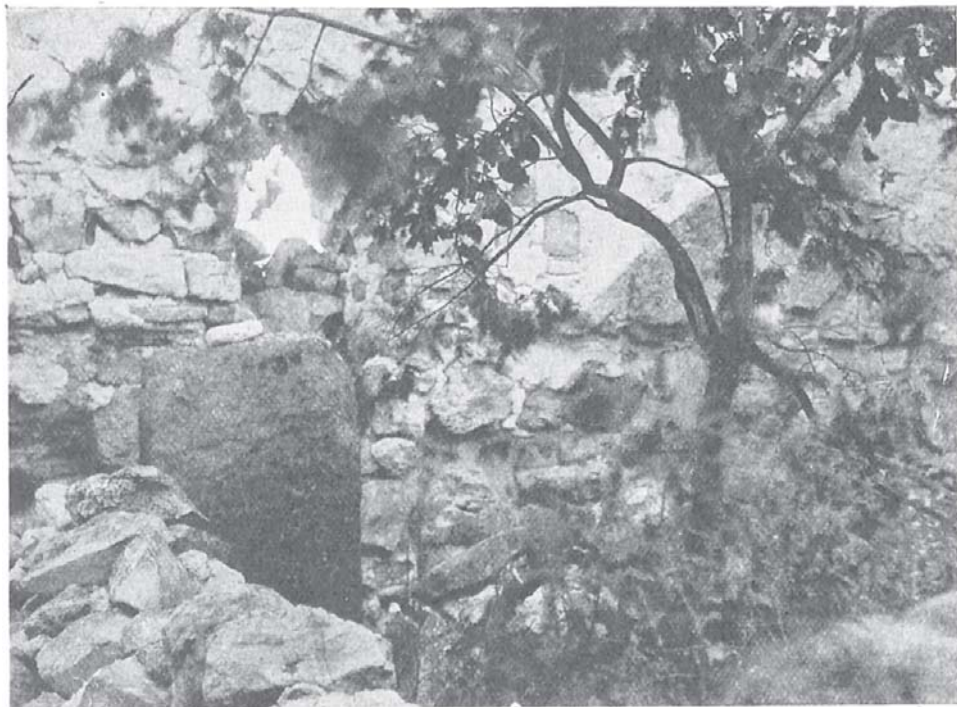
Обстоятельства смутнаго времени начала XVII в. прежде всего показали непрочность формальной покорности. Въ 1584 г. въ предѣлахъ нынѣшней Вятской губ. были построены три укрѣпленія—*Уржумъ*, *Яранскъ* и *Санчурскъ* и заселены стрѣльцами, пушкарями и др. ратными людьми въ цѣляхъ усмиренія и держанія въ страхѣ подозрительной по прежнимъ отношеніямъ къ Казани луговой черемисы, заселявшей дремучіе лѣса юго-западной части Вятскаго края (между Котельничемъ и Царевококшайскомъ). Усмиреніе шло такъ успѣшно, что черезъ 10—15 лѣтъ мы видимъ уже черемисъ на самыхъ опасныхъ мѣстахъ сторожевой службы. Однако первыя же вѣсти о самозванцѣ¹⁾ вызвали волненія среди луговыхъ черемисъ и другихъ сосѣднихъ съ ними инородцевъ—татаръ, чувашъ, горныхъ черемисъ и мордвы. Смута не прекращалась до воцаренія Михаила Ѳедоровича, причѣмъ если вся юго-западная половина Вятскаго края была охвачена мятежомъ (главными операціонными базами котораго были *Котельничъ* и *Яранскъ*) включительно до Хлынова, то и Пермь, державшаяся двусмысленно, обнаруживала явное сочувствіе мятежу. Послѣднимъ актомъ этой первой смутной драмы была присяга Казани, Вятки и Перми Лжедмитрію II въ то время, когда онъ уже былъ убитъ.

Исторія дальнѣйшихъ—почти вплоть до XIX в.—смуть большею частью тѣсно связана съ политическими движеніями какъ вообще всего Поволжья, такъ въ особенности другой части Приуралья—въ предѣлахъ нынѣшнихъ Уфимской и Пермской губ.,—извѣстной подъ названіемъ *Башикири*—то исходнаго пункта, то главной арены всѣхъ послѣдующихъ броженій. До какой степени обитатели Вятскаго и Пермскаго краевъ чувствовали свою связь и родственно настроены были со всѣми этими движеніями, ясно изъ того, что мѣстныя прикамскія преданія хранятъ память даже о такихъ герояхъ этихъ движеній, которые, какъ напр. Стенька Разинъ, не имѣли фактическаго отношенія къ

¹⁾ Историческія изысканія послѣдняго времени дѣлаютъ очень правдоподобнымъ видное участіе Вятки въ самомъ подготовленіи Лжедмитрія I къ его исторической роли. Существуетъ предположеніе, что Григорій Отрепьевъ жилъ въ Вятскомъ Трифономъ монастырѣ. Во всякомъ случаѣ онъ былъ очень близокъ къ Трифону Вятскому, что дало поводъ Борису Годунову въ 1601 г. устроить чисто политическій, тайный „дозоръ Трифонова монастыря“.

этому краю,—развѣ что сюда доходили „прелестныя письма“, которыя Степанъ Разинъ, расположившись около Симбирска, рассылалъ черезъ своихъ воровскихъ казаковъ вверхъ по Волгѣ.

Башкиры—не абортгены Приуралья. Они повидимому явились сюда изъ Азіи на смѣну „приуральской чуди“ и „югры“, о которыхъ выше была рѣчь, вмѣстѣ съ великой гуннской волной переселенія народовъ. По преданію самихъ башкиръ это произошло будто бы „за 16—18 поколѣній“ до нашего времени (на самомъ же дѣлѣ, повидимому, гораздо ранѣе). Лучшимъ доказательствомъ пришествія башкиръ служить тотъ

Могила Гуссейна, перваго проповѣдника мусульманства, близъ д. Чишмы.
(По фот. Круковскаго).

фактъ, что мѣстныя названія горъ, рѣкъ, озеръ совершенно чужды башкирскому языку, между тѣмъ какъ названія селеній и городовъ—большею частью башкирскія. О башкирахъ Приуралья уже въ X в. упоминаютъ арабскіе писатели Массуди, Ибнъ-Фодланъ и Ибнъ-Дастъ. Поселенія пришельцевъ раскинулись въ то время уже почти на всемъ пространствѣ между Камой и Волгой до нынѣшнихъ Самары, Оренбурга и Орска и на востокъ по р.р. *Міасу*, *Исети*, Тоболу и Иртышу до Оби. Одна часть башкиръ заняла горы и лѣса, другая—привольныя степи; отсюда и современное дѣленіе ихъ на „лѣсныхъ“ и „степныхъ“. Соприкосновенія башкиръ съ русскими начались еще до покоренія Казани. Въ 1468 г. воеводы Ивана III, „воюючи Казанскія мѣста“, пробрались

до „*Бѣлой Воложки*“ (р. *Бѣлой*). По завоеваніи Казанскаго царства русская рать, усмирив инородцевъ, зависѣвшихъ отъ Казани, опять перешла границу башкирскихъ земель. Въ это время башкиры сильно были тѣснены со стороны исконныхъ своихъ враговъ киргизъ-кайсаковъ, отъ которыхъ не могли защититъ ихъ и *ногаи*, утвердившіеся было въ степной части Башкиріи. Подчиненіе Москвѣ было совершенно неизбежно, и мы видимъ, что уже въ 1557 г. башкиры платили русскимъ ясакъ въ размѣрѣ 25 коп. „съ дыма“ (юрты).

Одновременно съ построеніемъ первыхъ городовъ въ западной части „Башкирдіи“—*Бирска*, *Осы*, *Мензелинска* и *Уфы* (1554—1586 г.г.) началась колонизація этого края какъ русскими, такъ главнымъ образомъ обрусѣвавшими окско-волжскими инородцами—татарами, мещеряками, теплярами, черемисами, каракалпаками—всей той помѣсью, которая извѣстна подъ именемъ „новобашкиръ“ и которая селилась и коротила земли у башкиръ на правахъ „припущенниковъ“. Немало было здѣсь и случайныхъ выходцевъ изъ Азіи—бухарцевъ, хивинцевъ, персовъ и др. Казанская и Симбирская губ. дали первое населеніе г. *Осы*. Возникшіе въ XVII в. пригороды *Биллярскъ*, *Ерыклинскъ* и *Новошемшинскъ* (на границѣ нашей области) заселились смоленской шляхтой въ количествѣ около 500 человекъ, а пригороды *Мензелинскъ* и *Заинскъ*—плѣнными поляками ¹⁾. Въ 1639 г. было положено основаніе г. *Кунгуру* (первоначально с. *Степановское*). Во второй половинѣ XVII в. колонизація простерлась уже на восточную (зауральскую) часть Башкиріи, и здѣсь возникли въ 1662 г. д. *Шадрино* (съ 1787 г.—г. *Шадринскъ*), а въ 1666 г.—*Камышанская слобода* (нынѣ г. *Камышловъ*). Еще далѣе въ 1723 г. были основаны *Екатеринбургъ*, въ 1736 г.—*Красноуфимскъ* и въ 1742 г.—*Троицкъ*; они возникли въ качествѣ крѣпостей для защиты русскаго населенія отъ башкиръ, киргизъ и другихъ инородцевъ. Первая ревизія въ предѣлахъ тогдашней Уфимской провинці (часть нынѣшней Уфимской и почти вся Оренбургская губ.) застала 1.196 крестьянскихъ дворовъ. Это были большею частью государственные крестьяне, такъ какъ, хотя помѣщики и приобрѣтали въ Башкиріи земли въ большомъ количествѣ, но неохотно еще селили здѣсь своихъ крестьянъ; вотъ почему при освобожденіи крестьянъ здѣсь (и то главнымъ образомъ въ Оренбургскомъ у.) оказалось очень мало владѣльческихъ крестьянъ.

Такимъ образомъ въ концѣ XVII и въ началѣ XVIII в.в. русскія колоніи распространялись на богатѣйшую часть Башкиріи по восточному склону Урала—съ глубокимъ черноземомъ, дремучими лѣсами и съ цѣлымъ „архипелагомъ озеръ“—въ предѣлахъ нынѣшнихъ уѣздовъ *Екатеринбургскаго* и *Шадринскаго*.

Колонизація Башкиріи носила по преимуществу земледѣльческій характеръ. Это обстоятельство въ связи съ многоплеменностью населенія и съ грубыми грабительскими приемами политики мѣстныхъ русскихъ властей, преслѣдовавшихъ долго исключительно своекорыстные интересы, опредѣлило дальнѣйшую, полную кровопролитнаго разворенія исторію этого края. Наиболѣе культурный слой мѣстнаго населенія—

¹⁾ Въ Уфимско-Оренбургскомъ краѣ и въ настоящее время среди культурныхъ аборигеновъ то и дѣло слышатся южно-русскія и польскія фамиліи.

муллы, выходцы главнымъ образомъ изъ Казани, стали на стражу своихъ единовѣрцевъ и усердно подготовляли одинъ бунтъ за другимъ. Уже съ 1584 г. по 1662 г. мы видимъ слабыя попытки къ вооруженному протесту противъ московскихъ насилій. Но вотъ въ 1662 г. знамя возстанія поднялъ пламенный Сеитъ, увлекшій башкиръ идеей возстановленія мусульманской независимости въ предѣлахъ всего Казанскаго края и Сибири. Возстаніе, поднявшее противъ русскихъ почти всѣхъ инородцевъ—татаръ сылвенскихъ, иренскихъ, вятскихъ, уржумскихъ, башкиръ уфимскихъ, черемисъ, мордву и др., было подавлено съ большими жертвами, но самая идея, возрожденія мусульманскаго царства осталась бродить среди башкиръ и къ 1705 г. подготовила новое возстаніе, почти не прекращавшееся до 1728 г. „Святой Султанъ“ (званіе, присвоенное себѣ однимъ башкиромъ) завелъ личныя сношенія съ исламитами Крыма и Константинополя, увлекъ по пути массы недовольныхъ русской неволей, а въ Башкиріи нашелъ самый сочувственный откликъ. Здѣсь сразу объявились три главаря возстанія, которые осаждали Бирскъ, Мензелинскъ, Елабугу и др. города. Между прочимъ къ Елабугѣ подступала шайка подъ предводительствомъ Акая (изъ рода Гиреевъ), къ которому при переправѣ черезъ Каму у *Пьянаго Бора* пристало все мѣстное инородческое населеніе. Повстанцы грабили и до тла выжигали русскія села и деревни по *Камѣ*, *Бѣлой* и *Самарѣ* и только, подступивъ къ Казани, были отбѣснены и жестоко наказаны организованными Петромъ Великимъ вольными дружинами калмыковъ.

Періодъ съ 1728 по 1736 г. можно назвать перемиріемъ. Правительство вынуждено было удовлетворить нѣкоторыя претензіи башкиръ. Уфимская провинція была подчинена непосредственно Сенату, башкиры освобождены отъ рекрутской повинности и привлечены къ участию во вновь организовавшемся судѣ; имъ обѣщана была охрана землевладѣнія и т. д. Наряду съ этимъ предпринимались и мѣры предупрежденія дальнѣйшихъ безпорядковъ и полнаго ослабленія силы башкиръ. Русскія поселенія постепенно оцѣпляли башкирскія владѣнія. Еще ранѣе, въ концѣ XVII и въ началѣ XVIII в.в. были устроены для защиты заволжскихъ и закамскихъ жителей и горныхъ заводовъ отъ набѣговъ инородцевъ двѣ охранительныя (сторожевыя) линіи по примѣру таковыхъ въ черноземномъ центрѣ Россіи, изъ которыхъ первая (*Старая*) шла отъ Волги у пригорода *Бѣлаго Яра*, вдоль р. *Черемшана*, мимо пригородовъ *Ерыклинска*, *Билярска* и др., заходила въ нашу область—на пригороды *Зайнскъ* и *Мензелинскъ* и кончалась у р. *Ика* близъ с. *Троицаю*. По этой линіи долины рѣкъ перекапывались рвами и валами; на валахъ дѣлались окопы, подъ прикрытіемъ которыхъ селились служилые люди. Въ лѣсныхъ мѣстностяхъ дѣлались засѣки. Линія укрѣплялась городками, острожками, проѣзжими воротами, башнями и лѣсными завалами. Земли горныхъ заводовъ, возникшихъ одинъ за другимъ (*Невъянскій*, *Каменскій*, *Алапаевскій*, *Ташлинскій*, *Исетскій* и др.), подступали къ башкирской территоріи. Помимо самовольныхъ захватовъ мѣстными русскими властями башкирскихъ земель начались нѣкоторыя правомѣрныя ограниченія башкирскаго землепользованія: въ 1724 г. часть башкирскихъ лѣсовъ была заповѣдана. Словомъ достаточно было сдѣлано для того, чтобы башкиры поняли серьезную опасность, которая грозила ихъ давнишнимъ владѣ-

ніямъ и которую необходимо было отвратить вмѣсто того, чтобы бороться за неосуществимую мечту „возрожденія мусульманскаго царства“. Постройка *Оренбурга*, начатая въ 1732 г., наконецъ вывела башкиръ изъ ожидательнаго настроенія, и въ 1735 году вспыхнуло возстаніе. Усмиреніе этого возстанія сопровождалось страшнымъ кровопролитіемъ, раззореніемъ Башкиріи и дальнѣйшимъ ограниченіемъ земельныхъ вольностей: русскимъ дано было право неограниченно пріобрѣтать башкирскія земли; мещеряки, не участвовавшіе въ бунтѣ, получили въ собственность земли, а тептяри, прежніе данники башкиръ, были освобождены отъ оброка и т. д. Волненія, прежніе данники башкиръ, были освобождены отъ оброка и т. д. Волненія, разумѣется, продолжались. Въ это время башкиры стали подъ знамена Каракастана. Человѣкъ импонирующей внѣшности, ревностный блюститель обрядовъ ислама, въ мусульманскомъ родѣ очень просвѣщенный, знатокъ восточныхъ языковъ — онъ производилъ огромное впечатлѣніе на толпу, которая шла за нимъ слѣпо. Усмиреніе этого возстанія, затянувшееся на два года, сопровождалось еще бѣльшимъ, чѣмъ прежде, раззореніемъ (однѣхъ разрушенныхъ и сожженныхъ башкирскихъ деревень насчитывали до 700).

Настала пора — и это поняли наконецъ русскія власти — посерьезнѣе заняться краемъ, чтобы обезпечить ему мирное развитіе послѣ почти 200-лѣтней раззорительной борьбы. Дальнѣйшее развитіе военныхъ поселеній, которое возведено было теперь въ систему, и гражданское благоустройство — вотъ два начала, которыя стали теперь примѣняться къ краю. Нашелся и человѣкъ въ лицѣ И. И. Неплюева, въ 1742 г. назначеннаго командиромъ Оренбургской экспедиціи, который съ огромной энергіей и пониманіемъ мѣстныхъ нуждъ принялся за дѣло, едва начатое его предшественниками. Въ первый же годъ своего управленія онъ заложилъ *Троицкую* крѣпость (теперь городъ), а къ концу его управленія отъ Оренбурга по всѣмъ направленіямъ уже шли линіи укрѣпленій, непрерывной цѣпью охватившія инородческія поселенія. Такъ, на югъ шла линія *Нижне-Яицкая* съ 9 крѣпостями и 18 форпостами, къ западу по р. *Самарь* протянулась *Самарская* линія съ 9 крѣпостями и 3 редутами, къ сѣверу — двойной рядъ военныхъ поселеній по р. *Яику* или *Уралу* (560 верстъ, 10 крѣпостей и 16 редутовъ) и по р. *Сакмарь* (10 крѣпостей и 2 редута). По сѣти этихъ укрѣпленій были расселены четыре полка, образованные изъ служилыхъ людей, городовыхъ дворянъ, драгунъ и др., два полка, сформированные изъ городовыхъ служилыхъ людей Уфимской провинціи и сибирскихъ недорослей, и наконецъ Оренбургское казачье войско, незадолго передъ тѣмъ организованное изъ разнаго мѣстнаго и пришлага сброда. Въ 1760 г. всѣхъ служащихъ по линіямъ насчитывалось уже до 20 тысячъ человѣкъ. Къ половинѣ XVIII в. самая восточная часть нашей области настолько уже была обезопасена, что русскія поселенія быстро одно за другимъ появились въ это время между рр. *Уемъ* и *Міасомъ*.

Не могъ однако и Неплюевъ вполне предупредить бунтовъ. Въ 1754 г. нѣкій мещерякъ Батырша разослалъ по всему магометанскому востоку воззваніе къ возстанію противъ русскихъ. Сборнымъ пунктомъ повстанцевъ явилась Киргизь-Кайсацкая орда. Неплюевъ очень ловко развѣдинилъ силы мусульманъ, привлекиши на свою сторону мещеряковъ и тептярей. Мятельники бѣжали въ горы и лѣса, а Батырша былъ взятъ въ плѣнъ мещеряками.

Возстаніе подъ предводительствомъ Батырши можно считать послѣднимъ самостоятельно организованнымъ бунтомъ башкиръ. Въ дальнѣйшемъ башкиры, какъ и вообще инородцы и русская вольница Поволжья, Яика, Камы, Вятки и Бѣлой, лишь примыкали къ разнымъ движеніямъ подъ предводительствомъ чужихъ главарей. Пугачевскій бунтъ былъ, разумѣется, самымъ крупнымъ въ этомъ направленіи эпизодомъ, когда весь Приуральскій край встрепенулся и присталъ къ движенію. Но именно Башкирія, поднятая на ноги самымъ вѣрнымъ агентомъ самозванца, „свирѣпымъ“ (по выраженію Пушкина) Салаватомъ, который оставилъ по себѣ глубокую память въ башкирскомъ пѣсенномъ творчествѣ, явилась наиболѣе надежнымъ оплотомъ возстанія. Начало возстанія относятъ къ 1771 г., а уже въ 1773 г., когда Пугачевъ подступилъ къ Оренбургу, множество крѣпостей Оренбургскаго края было разрушено. Не только инородцы, но и русскіе солдаты, казаки, горнозаводскіе рабочіе и пр. переходили на сторону Пугачева, олицетворявшаго въ глазахъ народа искупителя всѣхъ историческихъ неправдъ.

Во главѣ 15-тысячнаго войска, возраставшаго въ своемъ числѣ съ каждымъ днемъ, Пугачевъ расположился близъ Оренбурга въ с. *Бердахъ* и отсюда разослалъ отдѣльные отряды въ разныя стороны¹⁾.

Еще прежде чѣмъ Пугачевъ приступилъ къ Оренбургу, въ южной части Пермской губ. (Осинскій и Кунгурскій у.у.) возстали осинскіе татары. Слухи объ осадѣ Оренбурга и о намѣреніи сибирскихъ инородцевъ соединиться съ пермскими татарами придавали послѣднимъ въ глазахъ мѣстнаго населенія грозную силу. Ближайшей цѣлью татаръ былъ казенный заводъ *Еюшихинскій* (около нынѣшней Перми). Дѣло однако ограничилось разграбленіемъ нѣсколькихъ селеній, и только на слѣдующій годъ, когда сюда явился самъ Емельянь, была взята и разграблена Оса. Въ то-же время 15-тысячное войско самозванца подъ предводительствомъ Чики втеченіе четырехъ мѣсяцевъ осаждало Уфу. Одновременно шайка пугачевскихъ застрѣльщиковъ, переправившись черезъ Каму, начала свое разрушительное дѣло въ Вятской губ. — въ предѣлахъ нынѣшняго Елабужскаго у. Сосѣдніе съ Елабугой селенія (с. *Трехсвятское*) сразу пристали къ пугачевцамъ и

Могила Барача-Хана (XIV в.).

¹⁾ Самозванному русскому „царю“ видимо здѣсь пришлось очень любо, и онъ чуть ли не намѣревался устроить здѣсь резиденцію: Верды онъ прозвалъ Москвой, Сейтову слободу—Петербургомъ и Сакмарскій городокъ—Киевомъ.

вмѣстѣ съ послѣдними нѣсколько разъ приступали къ Елабугѣ, но съ малымъ успѣхомъ. Въ 1774 г. Пугачевъ, раззоривъ Осу, направился въ Вятскую губ. и, пройдя разгромомъ черезъ нынѣшній Сарапульскій у., гдѣ къ нему присоединились ижевскіе и воткинскіе рабочіе, а равно и всякіе инородцы, съ огромными полчищами приступилъ къ Елабугѣ, которой посчастливилось спастись благодаря лишь какимъ-то случаямъ, облеченнымъ народной фантазіей въ чудодѣйственныя формы.

Таковы внѣшнія историческія судьбы нашей обширной области, гдѣ на границѣ Европы и Азіи на пространствѣ 700 тыс. кв. верстъ, при разнообразнѣйшихъ природныхъ условіяхъ, втеченіе вѣковъ между нѣсколькими народами шла упорная борьба, въ которой лишь въ сравнительное недавнее время окончательная побѣда осталась за русскимъ племенемъ, причемъ эта побѣда стоила не только громадныхъ матеріальныхъ жертвъ со стороны русскаго народа, но, какъ увидимъ далѣе, во многихъ мѣстахъ сопровождалась и значительнымъ, какъ физическимъ, такъ и духовнымъ ассимилированіемъ великорусскаго племени съ мѣстными тюрко-финскими племенами.

Обратимся къ разсмотрѣнію главныхъ историческихъ особенностей экономическаго быта и внутренняго гражданскаго уклада жизни.

Въ порядкахъ землевладѣнія и землепользованія Вятско-Пермскаго края временъ первоначальнаго заселенія его русскими наблюдаются особенности, которыя въ значительной мѣрѣ вытекали изъ условій колонизаціи края, и слѣды которыхъ сохранились до нашихъ дней. Въ этомъ отношеніи прежде всего слѣдуетъ отмѣтить въ сѣверной части Приуралья по преимуществу заимочный, починочный, такъ сказать, новгородскій способъ заселенія свободныхъ земель русскими, причемъ въ это отдаленное время общинная форма владѣнія землей, если и имѣла мѣсто, то едвали выражалась такъ опредѣленно, какъ это мы видимъ далеко позднѣе. Разселеніе заимками, состоящими изъ 1—2 дворовъ¹⁾, не было условіемъ, благоприятнымъ общинной формѣ. Частное некрестьянское землевладѣніе возникло здѣсь позднѣе и не получило широкаго развитія, такъ какъ основной фондъ частной собственности московскаго періода (если не считать монастырскаго землевладѣнія), представленный служилымъ землевладѣніемъ, почти совсѣмъ отсутствовалъ: правительство не видѣло пользы раздавать служилымъ людямъ земли въ краю, гдѣ излишняя была мѣстная служба, и откуда служилые люди не могли во время поспѣвать на службу въ Москву. Мелкими частными собственниками на Вяткѣ явились въ московскій періодъ нѣкоторые представители „гостиной сотни“, которые, выдѣляясь изъ общины и пріобрѣтая вліяніе на дѣла службой по выборамъ въ качествѣ подъячихъ, земскихъ старостъ и цѣловальниковъ, получили въ кормленіе, помимо выдѣловъ изъ городскихъ земель, куски земли подъ городомъ („дьякова поля“, „тіунова деревня“). Въ XVI в. главное гнѣздо частнаго землевладѣнія сосредоточивалось около Хлынова и въ районѣ нынѣшнихъ уѣздовъ Слободскаго и Нолинскаго. Позднѣе центръ этого землевладѣнія перемѣстился въ юго-западные уѣзды Вятской губ. — главнымъ образомъ въ бывший Царевосанчурскій.

¹⁾ Даже въ настоящее время есть волости (*Трунинковская* въ Слободскомъ у. и *Боровская* въ Глазовскомъ), въ которыхъ насчитывается до 300 селеній.

При отсутствіи же служилаго землевладѣнія и при весьма слабomъ на первыхъ порахъ участіи въ судьбѣ этого края со стороны московской власти, заботившейся лишь объ интересахъ казны, пришлое населеніе устраивалось на свой страхъ. Не только починки, села и деревни, но и цѣлые города возникали совершенно самостоятельно, на кустарныхъ, такъ сказать, началахъ. Любопытенъ въ этомъ отношеніи рассказъ, относящійся уже ко временамъ Ивана Грознаго, о постройкѣ городка *Шестакова*. Жители Вятской области *Верхне-Слободскаго* городка выводили сначала починки и деревни, которые садились на лѣса, потомъ между этими деревнями и починками поставили себѣ городокъ на *Шестаковкѣ* на заемныя деньги (Соловьевъ). Совершенно понятно отсюда, почему при освобожденіи крестьянъ въ Вятской губ. оказалось всего лишь около 3% крѣпостныхъ.

При Иванѣ Грозномъ, когда пахатныя земли государства были раздѣлены для взиманія податей на добрыя, среднія и худшія, громадный процентъ земель Вятскаго и Пермскаго краевъ попалъ въ третій разрядъ или даже остался—подъ именемъ „самыхъ худшихъ земель“ (перелоговъ)—за этимъ разрядомъ. Однако земельныя подати и другія повинности, незначительныя на первыхъ порахъ московскаго владычества, современнымъ все болѣе и болѣе увеличивались: въ XVII в. нашъ край, какъ и вообще русскій сѣверъ, сталъ для правительства „денежнымъ сундукомъ“ и былъ обремененъ податями гораздо болѣе другихъ частей государства, гдѣ было развито служилое землевладѣніе, получившее къ тому времени массу податныхъ льготъ не въ примѣръ и въ ущербъ черносошному землевладѣнію сѣвера. Достаточно въ этомъ отношеніи указать на замѣну „сохи“ (прежняя единица обложенія) „живущей четвертью“ (извѣстное количество четвертей пашни съ опредѣленнымъ числомъ дворовъ на ней), причемъ въ то время, какъ на земляхъ служилыхъ людей подъ „живущей четвертью“ разумѣлось извѣстное количество (съ 1610 года—отъ 10 до 16) дворовъ, изъ которыхъ каждый запахивалъ конечно по нѣсколькимъ четвертей, черносошный крестьянинъ платилъ дѣйствительно за каждую реальную четверть.

Съ покореніемъ Сибири особенно тяготили вятчанъ и пермяковъ мѣстныя натуральныя повинности—доставлять хлѣбные запасы въ Сибирь для служилыхъ людей и войска (замѣнена денежной въ 1681 г.) и отправлять ямскую гоньбу въ ту же Сибирь. Послѣднюю повинность несли вмѣстѣ, составляя одну „кость“, чердынцы, вятчане, кайгородцы и усольцы. Тяжесть прямыхъ налоговъ, лежавшихъ на черносошномъ землевладѣніи, сознавалась правительствомъ, но попытка въ 1646 г. замѣнить часть этихъ налоговъ косвеннымъ обложеніемъ—на соль въ размѣръ двухъ гривенъ съ пуда—не имѣла успѣха, вызвавъ даже цѣлый бунтъ.

Непомѣрное податное бремя, неурожаи, набѣги инородцевъ, равнодушіе московскихъ властей къ мѣстнымъ невзгодамъ ¹⁾ и пр. дѣлали весьма непрочнымъ положеніе тогдашняго земледѣльца, и послѣдній „бродилъ розно“, переходя съ мѣста на мѣсто, ища защиты на такъ

¹⁾ Въ 1522 г., когда соликамцы, жестоко тѣснимые ногайцами, обратились къ московскому государю, послѣдній только и нашелся прислать имъ на помощь складной образъ Николая Чудотворца.

называемыхъ „тарханныхъ“ земляхъ, убѣгая въ Сибирь и т. д. Несмотря однако на все это большинство дворовъ—даже городскихъ и даже на Перми (не говоря уже о Вяткѣ) были пашенными. Такъ въ 1579 г. изъ общаго числа 352 дворовъ Усолья Камскаго пашенныхъ насчитывалось 1.897, а въ Чердыни изъ 1.493 дворовъ—1.131 пашенный.

Что касается крупнаго землевладѣнія, то главными крупными собственниками въ разсматриваемый періодъ въ Вятскомъ краю были каринскіе мурзы и князья, въ Пермскомъ (а отчасти также въ Вятскомъ) краю—„именитые гости“ Строгановы, а въ томъ и другомъ—монастыри и заводовладѣльцы, изъ которыхъ въ XVIII в. самыми знаменитыми явились Демидовы.

Верстахъ въ 12 отъ г. *Слободскою* по р. *Чепецъ* до нашихъ дней сохранилась группа татарскихъ деревень, изстари извѣстныхъ подъ именемъ *Карина* и населенныхъ помимо татаръ вотяками, чувашами и бесерменами. Татары Глазовскаго у. и почти всѣ бесермены Вятской губ. считаютъ себя выселенцами въ давнія времена изъ Карина. Сами каринцы производятъ себя отъ арскихъ (близъ Казани, см. томъ VI „Россіи“) князей и тѣмъ хотятъ установить свою связь съ древнимъ Булгарскимъ царствомъ, которое они, можетъ быть, покинули при нашествіи татаръ. Этимъ арскимъ князьямъ принадлежали въ Каринѣ помѣстья, оброчныя пожни, оброчныя рѣки и озера и цѣлыя пожалованныя деревни. Каринцы сохранили преданіе, что въ глубокую старину всѣ вообще земли по р. *Чепецъ* составляли ихъ собственность. Часть земель была пожалована, другая, большая часть пріобрѣтена захватомъ и также укрѣплена за ними. Но пожалованія и попустительство захватамъ продолжались лишь до тѣхъ поръ, пока каринцы служили Москвѣ въ борьбѣ съ Казанью. Съ покореніемъ же Казанскаго царства роль каринскихъ владѣльцевъ пала, привилегіи ихъ были забыты, пожалованія прекратились (последняя изъ извѣстныхъ намъ грамотъ, относящаяся къ 1686 г., лишь подтверждала прежнія пожалованія, но въ ней уже не было рѣчи о новыхъ пожалованіяхъ), больше того—изъ Москвы былъ установленъ надзоръ, чтобы каринцы не захватывали чужихъ, крестьянскихъ земель; съ этого времени ихъ мурзы и владѣтельные князья постепенно перешли въ податное состояніе.

Другое положеніе занимали, иное значеніе имѣли строгановскія вотчины на Перми. Первая жалованная грамота Строгановымъ относится къ 1558 г. По этой и послѣдующимъ (до начала XVII в.) грамотамъ Строгановымъ принадлежали всѣ земли по притокамъ Камы—рр. *Иньва*, *Обва*, *Яйва*, *Усолка*, *Косьва* и др.—„отъ устьевъ до вершинъ“. Уже согласно первой грамотѣ—по вычисленіямъ мѣстнаго историка О. А. Волегова—Строгановы завладѣли 3,5 милл. дес., да по грамотѣ 1568 г.—4,1 милл. дес. Хотя въ грамотахъ эти земли и называются „мѣстами пустыми“ и „лѣсами черными“, однако часть ихъ—оазисами—была заселена („отхожія земли“ усольцевъ, чердынцевъ и др.), и Строгановымъ пришлось выдержать борьбу со владѣльцами этихъ клочковъ. Основываемыя Строгановыми поселенія назывались починками, деревнями, городками и острожками. Мы имѣемъ даже описаніе строгановскихъ крѣпостныхъ поселеній: внутренняя крѣпостная бревенчатая стѣна въ два ряда, между которыми насыпалась земля; каждое звено стѣны составляло особую городню длиной въ три сажени; кругомъ этой городни

шло наружное укрѣпленіе—острогъ; наконецъ ровъ, пролежавшій снаружи всей постройки, довершалъ систему укрѣпленій. Во вновь основываемые городки, изъ которыхъ первымъ былъ *Кай*, население стекалось отовсюду, давая впечатлѣніе причудливой смѣси „одеждъ и лицъ, племенъ, нарѣчій, состояній“. Тутъ были устюжане, вятчане, верхокамцы, южане (отъ р. Юга), двиняне, вычегжане, москвичи, владимірцы, а изъ инородцевъ—вогулы, югра, мордва, зыряне, татары и др. Сюда же направлялись бѣглецы изъ разныхъ воинскихъ частей солдаты, а позднѣе—крѣпостные крестьяне. Наряду съ добровольно пришлымъ и бѣглымъ населеніемъ вселялись огромныя партіи крестьянъ по распоряженію

Надгробный памятникъ на башкирскомъ кладбищѣ. (По фот. *Круковскаго*).

правительства. Такъ, въ 1700 г. Петръ Великій отдалъ въ распоряженіе Строгановыхъ 14 тысячъ душъ мужеского пола „казенныхъ людей“.

Около 1560 г. Строгановы основали *Пыскорскій* монастырь, сдѣлавшійся вскорѣ крупнымъ земельнымъ собственникомъ и промышленникомъ: въ началѣ XVIII в. за нимъ числилось 2,309 душъ крестьянъ. Черезъ 10 лѣтъ стараніями Трифона Вятскаго возникъ на р. *Чусовой* и другой крупный земельный собственникъ—*Успенскій* монастырь. Основанный около того же времени Трифономъ *Вятскій Трифоновъ* монастырь въ концѣ XVII в. владѣлъ 14 тыс. душъ крестьянъ и соотвѣтствующей площадью земли съ рыбными ловлями по р. *Вяткѣ*. Изъ крупныхъ собственниковъ-монастырей слѣдуетъ назвать наконецъ *Вознесенскій* мо-

настырь въ г. *Соликамскъ*, основанный въ самомъ началѣ XVII в. усольскими посадскими людьми и уѣздными крестьянами; въ дарственныхъ вотчинахъ этого монастыря уже въ 1647 г. считалось 220 крестьянскихъ дворовъ. Другимъ, кромѣ пожалованій, фондомъ земельной собственности монастырей служилъ, какъ и у Строгановыхъ, захватъ.

Съ именемъ Строгановыхъ связано развитіе въ Приуральѣ солеваренной промышленности. Первые въ краю, какъ и вообще въ Россіи, солеварни появились ранѣе Строгановыхъ: еще въ 1430 г. онѣ устроены были Калашниковыми по рр. *Боровой* и *Усолкѣ*, но лишь Строгановы двинули это дѣло далеко впередъ, такъ что уже при Иванѣ Грозномъ уплачивали казенной пошлины до 23 тыс. руб. въ годъ. Втеченіе XVI и XVII вв. солеварни появились въ *Ормъ-Городкѣ*, *Нижнемъ Чусовскомъ городкѣ*, *Новомъ Усолкѣ*, по рр. *Камѣ*, *Зырянкѣ*, *Ленѣ*, *Чусовой* и *Вишерѣ*. Въ 1623 г. въ *Солѣ Камской* и по *Зырянкѣ* насчитывалось 37 варницъ. При Петрѣ Великомъ, когда соляное дѣло было объявлено правительственной регаліей, и когда оставшіеся въ частныхъ рукахъ немногіе соляные промыслы всю добычу должны были поставлять въ казну, главными солепромышленниками остались тѣ же Строгановы.

Если не считать нѣкоторыхъ попытокъ, относящихся къ болѣе раннему времени ¹⁾, то и возникновеніе горнозаводскаго дѣла, какъ крупной промышленности, въ Пермѣ Великой также относится ко временамъ Строгановыхъ. Въ мелкомъ кустарномъ видѣ русское населеніе занималось горнымъ дѣломъ съ самаго момента своего поселенія на Уралѣ, плавя желѣзные руды въ небольшихъ горнахъ—„домницахъ“ и получая „кричное“ (въ кускахъ неправильной формы) желѣзо. Первый же горный заводъ былъ оборудованъ вышеупомянутымъ Пыскорскимъ монастыремъ. Сначала этотъ заводъ плавилъ желѣзную руду, потомъ перешелъ къ мѣдной. Въ 1574 г. Строгановы получили первую въ Россіи привилегію—право обработки мѣди, олова, свинца и сѣры. При Михаилѣ Ѳеодоровичѣ были открыты на Уралѣ золотыя прииски, которые впрочемъ были оставлены безъ разработки. При Алексѣѣ Михайловичѣ появились уже на Уралѣ казенные горные заводы, хотя они и рабгали тогда еще крайне плохо.

Прочное развитіе горнозаводской промышленности началось собственно уже съ Петра Великаго, впервые установившаго взглядъ на горные промыслы, какъ на казенную регалію ²⁾, разрѣшившаго всѣмъ частнымъ лицамъ заниматься разработкой рудъ („дабы Божіе благословеніе подъ землю втугѣ не осталось“) и объединившаго управленіе этими промыслами сначала (1700 г.) въ Рудномъ приказѣ, а потомъ (1719 г.) въ Бергъ-коллегіи. При Петрѣ же было положено начало (1721 г.) заводскому посессионному владѣнію: сначала Демидовы, а потомъ и всѣ вообще купцы получили право приобрѣтать крестьянъ для своихъ заводовъ, но съ тѣмъ, чтобы крестьяне эти, считаясь принадлежностью завода, а не владѣльца, отчуждались лишь вмѣстѣ съ заводами. Для обслуживанія такихъ заводовъ отводились правительствами

¹⁾ Еще Иванъ Грозный въ 1491 г. послалъ двухъ нѣмцевъ вмѣстѣ съ русскими для розыскаго по р. Цѣльмѣ серебряной и мѣдной руды; къ сожалѣнію ничего опредѣленнаго неизвѣстно о результатахъ этой экспедиціи.

²⁾ „Намъ однимъ, яко Монарху, принадлежатъ рудокопныя заводы и ихъ дѣланіе“.

обширныя окрестныя лѣсныя дачи и рудныя мѣстороженія. Еще въ 1698 г. Петръ Великій построилъ знаменитый *Невьянскій* заводъ, который вскорѣ (въ 1702 г.) за безцѣнокъ былъ уступленъ Демидовымъ вмѣстѣ съ *Верхотурскими* (по р. *Тагилу*) заводами, причемъ подъ эти заводы отошла громадная площадь земель и лѣсовъ, а равно и всѣ богатства горы *Благодати*. Желѣзо, добывавшееся по р. *Нейтъ* (Невьянскіе заводы), признавалось ничуть не хуже „свейскаго“ (шведскаго), пользовавшагося тогда исключительной славой. Европейскую извѣстность приобрѣли вскорѣ и издѣлія *Нижне-Тагильскаго* завода. Въ 1703 г. Демидовы получили *Ятскую* и *Краснопольскую* волости и монастырское село *Покровское* съ деревнями и крестьянами въ томъ же Верхотурскомъ у. Этимъ было положено начало могуществу и колоссальнымъ богатствамъ, которыя приобрѣли вскорѣ эти мѣстные царьки (какъ и ранѣе того Строгановы) въ Приуральскомъ краѣ, пользуясь совершенно тѣми же средствами къ обогащенію, какъ и Строгановы: главнымъ образомъ захватомъ земель и утайкой бѣглыхъ крестьянъ. Одновременно горнозаводское дѣло, а вмѣстѣ съ тѣмъ и заводское землевладѣніе съ даровой рабочей силой развилось и въ Вятскомъ краю: одинъ за другимъ возникли здѣсь заводы—*Красильниковскій* въ *Каринѣ*, *Шурминскій*, *Кирсинскій*, *Бемышевскій*, *Климковскій*, *Холуницкіе* и др.

Къ концу царствованія Петра Великаго уральскіе заводы изготовляли уже разное желѣзо, проволоку, жести, гвозди, якоря и посуду, а производительность этихъ заводовъ опередила производительность заводовъ такъ называемаго Подмосковнаго района (тульскихъ и приокскихъ), въ которомъ собственно впервые зародилась наша желѣзодѣлательная промышленность. Въ дальнѣйшемъ для поощренія горной промышленности было установлено давать всякому работающему на казенныхъ горныхъ промыслахъ—дворянину по 10 дворовъ крестьянъ, не дворянину—по 5 (считая по 4 души на дворъ) въ потомственное владѣніе съ тѣмъ, чтобы и потомки ихъ занимались горнымъ дѣломъ. На каждую доменную печь было велѣно приписывать по 100 дворовъ, а на два молота—по 70 дворовъ, всего по 160 дворовъ на заводъ самаго малаго размѣра. Къ мѣднымъ заводамъ приписывалось по 50 дворовъ (или по 200 душъ) на каждую тысячу пудовъ выплавленной мѣди. Въ дѣйствительности заводовладѣльцы не соблюдали этихъ нормъ, всегда превышая ихъ вдвое—втрое. При имп. Елизаветѣ практиковалась усиленная раздача казенныхъ горныхъ промысловъ въ видѣ пожалованія, усиленно продолжалась и приписка къ нимъ крестьянъ, такъ что ко второй половинѣ XVIII в. большинство крестьянъ Пермской губ. оказалось приписаннымъ къ 65 чугуноплавильнымъ и желѣзодѣлательнымъ заводамъ.

Изъ другихъ родовъ занятій, которыми поддерживало свое существованіе населеніе Вятскаго и Пермскаго краевъ помимо земледѣлія и горнозаводскаго дѣла, слѣдуетъ упомянуть торговлю. Съ XVII в. торговое движеніе изъ Москвы на Сибирь избрало новый путь (вмѣсто прежняго — черезъ Ярославль, Вологду, Устюгъ и т. д.), пролежавшій черезъ населенные пункты нашей области—*Яранскъ*, *Котельничъ*, *Орловъ*, *Хлыновъ*, *Слободской*, *Кайгородъ*, *Соль Камскую*, а оттуда по *Бабиновской* дорогѣ на *Верхотурье*. Кромѣ этого магистральнаго пути были еще двѣ побочныя зимнихъ дороги черезъ *Сарапулъ* — одна р. *Камой*, другая—

горами. Царь Борисъ Годуновъ, при которомъ было построено Верхотурье, учредилъ въ немъ таможеню съ гостинымъ дворомъ и двадцатью амбарами при ней. Михаилъ Федоровичъ издалъ указъ, чтобы русскіе люди къ вогуличамъ и остякамъ въ гости не ѣздили, а торговали бы въ Верхотурьѣ. Съ другой стороны Вятскіе города уже въ то время, намѣчая будущій „великій торгъ — отпускомъ водяной коммуникаціей къ г. Архангельску, вели торговлю съ сѣверомъ хлѣбомъ, воскомъ, щетиной, масломъ и саломъ“. Несомнѣнно, что во второй половинѣ XVII в. вятскіе купцы имѣли уже непосредственныя сношенія съ Архангельскимъ портомъ. Въ періодъ 1721 — 1727 гг. эти сношенія были ограничены запрещеніемъ сбывать

хлѣбные продукты въ Архангельскъ, но зато, по снятіи этого запрещенія, къ концу XVIII в. торговля съ Архангельскомъ при-

Старинная церковь въ гор. Верхотурьѣ.¹

няла широкіе размѣры. Въ началѣ XIX в. для южныхъ, болѣе хлѣбородныхъ уѣздовъ Вятской губ. слобода *Кукарка* являлась главнымъ центромъ закупокъ хлѣба для Архангельска. Оффициальное возникновеніе первой — *Ирбитской* ярмарки относится къ 1643 г., но повидимому еще ранѣе образовались нѣкоторыя правильныя торжища (въ томъ числѣ въ Вяткѣ ярмарка 1 сентября, сохранившаяся до настоящаго времени).

Въ заключеніе настоящаго обзора можно привести исчисленіе мѣстнаго историка А. Дмитриева о культурно-земельномъ состояніи Перми Великой. Въ началѣ XVII в., по его разсчету, во всей Перми

Великой, занимавшей сѣверо-западную часть нынѣшней Пермской и сѣверо-восточную Вятской губ., вмѣстѣ съ вотчинами Строгановыхъ на пространствѣ 120 тыс. кв. в. обработанной земли (пашни) было не болѣе 100-тыс. четей (50 тыс. дес.) и немного болѣе 500 населенныхъ пунктовъ. Все же остальное пространство было занято „мѣстами дикими“ и „лѣсами черными“, изобиловавшими звѣремъ и птицей. Особенно пустыненъ былъ *Отхожий* округъ — часть нынѣшняго Чердынскаго у., почти весь Соликамскій и сѣверъ Пермскаго у.: здѣсь только въ XVI в. едва началась русская колонизація. О пустынности Пермскаго края того времени нетрудно судить и по современному его состоянію, когда въ этомъ краю площадь, занятая пашнями, составляетъ всего лишь около 10%.

Экономическому быту Вятскаго и Пермскаго краевъ въ извѣстной мѣрѣ соответствовалъ и гражданскій строй.

Во времена новгородскаго владычества Вяткой правили земскіе воеводы и „ватаманы“, которые служили по выбору общины. Въ московскій періодъ, когда удѣльная система коснулась и этого края, значеніе на Вяткѣ удѣльныхъ князей, какъ объ этомъ уже упоминалось, было совершенно ничтожно. Не было тамъ даже княжескаго стола, такъ что московскіе владыки въ своихъ посланіяхъ обращались прямо къ народу—„ко всему людству“. Изъ сословій здѣсь различались бояре, купцы („гостиная сотня“) и „житьи люди“. Впродолженіе XVI—XVII вв. на Вяткѣ правили намѣстники, которымъ подчинялись воеводы — правители городовъ съ ихъ округами (уѣздами). Въ концѣ XVII в. правительство, убѣдившись въ бесполезности намѣстниковъ, какъ особаго служилаго класса, полностью передало управленіе и сборъ податей мѣстнымъ выборнымъ властямъ: это было и дешевле, и вѣрнѣе обезпечивало какъ интересы казны, такъ и порядокъ мѣстнаго управленія. Дальнѣйшія видоизмѣненія въ порядкахъ мѣстнаго управленія, напр., введенное съ 1700 г. бургомистрское управленіе, не измѣняли сущности мѣстнаго гражданскаго строя: широкое (сравнительно съ другими частями государства) самоуправленіе — городское и сельское — характеризуетъ этотъ строй и совершенно отвѣчаетъ какъ стариннымъ навыкамъ пришлой новгородской вольницы, такъ и основнымъ формамъ свободнаго черносопнаго землевладѣнія.

Тѣ же приблизительно древніе порядки управленія были и въ Пермскомъ краю — съ тѣмъ однако внѣшнимъ отличіемъ, что здѣсь были и свои туземные князья: послѣдній изъ нихъ въ 1505 г. „сведенъ былъ съ Перми“ и замѣненъ намѣстникомъ. Неслужилое населеніе городовъ („посадскіе люди“) дѣлились—по имущественному цензу—на людей „лучшихъ“, „молодшихъ“ и „самыхъ молодшихъ“. Двѣ первыя категоріи, съ подраздѣленіемъ въ свою очередь на пашенныхъ и беспашенныхъ соответствовали вятской „гостиной сотнѣ“, за которой и тамъ и здѣсь слѣдовали „безземельные люди“ и бобыли. Въ московскій періодъ Пермь въ административномъ отношеніи дѣлилась на 3 округа—Пермскій съ гг. *Пермью Великой, Чердынью* и Усольскій (Соликамскій) съ г. *Усольемъ Камскимъ*; третій же округъ составляли вотчины Строгановыхъ съ *Орломъ-Городкомъ* и *Нижне-Чусовскимъ* городкомъ. Въ XVI в. возникъ еще округъ Кайгородскій. Втеченіе XVII в. значительная часть нынѣшнихъ губерній Вят-

ской и Пермской (а равно Уфимской и Оренбургской) входила въ составъ Казанской губ. Съ 1708 г., когда Петръ Великій раздѣлилъ Россію на 8 губерній, часть Приуралья (5 городовъ пермскихъ и большая часть Вятскаго края) вошла въ составъ 23 городовъ Сибирской губ., а большая часть Пермской и сѣверъ Вятской губ. отошли къ Казанской губ. Въ настоящія свои границы эти губерніи вошли уже послѣ учрежденія въ 1781 г. Вятскаго и Пермскаго намѣстничествъ. Но еще ранѣе — въ первой половинѣ XVIII в. самый терминъ „Пермь Великая“ въ смыслѣ обозначенія особой территории выпелъ изъ употребленія.

Совершенно своеобразное мѣсто въ системѣ управленія Пермскимъ краемъ занимали владѣнія Строгановыхъ. Въ концѣ XVI в. они дѣлились на два главныхъ округа — *Чусовской* — общаго владѣнія Строгановыхъ и *Орловскій* — единственнаго владѣнія Н. Г. Строганова. Первый округъ кромѣ того дѣлился на три уѣзда (Чусовской, Сылвенскій и Яйвенскій) съ центромъ управленія въ Чусовскомъ. Снабженныя всевозможными льготами — самостоятельнымъ управленіемъ и судомъ, свободой отъ податей, правомъ безошлинной торговли съ Азіей, строгановскія вотчины поистинѣ представляли „государство въ государствѣ“. Почти такой же независимостью пользовались на основаніи „тарханныхъ“ грамотъ и главнѣйшіе упомянутые выше монастыри.

Немного извѣстно намъ относительно гражданскаго строя и экономическаго быта древнихъ обитателей Оренбургско-Уфимскаго края.

До прихода русскихъ башкиры — какъ горные, такъ и степные — держались повидимому исконнаго у нихъ (вынесеннаго еще изъ Азіи) родового начала. Правила князья, власть и значеніе которыхъ были весьма ограничены, такъ какъ всѣ важныя дѣла проходили черезъ народное собраніе (джинъ). На собраніяхъ каждый взрослый башкиринъ пользовался правомъ голоса. Внутренній бытъ башкиръ (особенно горныхъ) остался въ своихъ основаніяхъ нетронутымъ и послѣ покоренія ихъ татарами. Батый даровалъ имъ „тамги“ и разныя привилегіи. Въ первой четверти XVI в. среди башкиръ упрочился исламъ, который еще болѣе породнилъ ихъ съ тюркскими народами. По распаденіи Золотой Орды часть башкиръ (жившихъ по берегамъ рр. *Бьлой* и *Ика*) платила ясакъ царямъ казанскимъ, часть (кочевники по р. *Узеню* въ Самарской губ.) — царямъ астраханскимъ и наконецъ часть (жившіе по горамъ и лѣсамъ Урала) — сибирскимъ ханамъ. Скотоводство было главнымъ и излюбленнымъ занятіемъ башкиръ. Огромныя стада лошадей, рогатаго скота и верблюдовъ (у степныхъ) — были ихъ главнымъ богатствомъ. Башкиры лѣсные занимались кромѣ того звѣроловствомъ и пчеловодствомъ.

Царь Иванъ Грозный, принявъ башкиръ подъ свою высокую руку, выдалъ имъ грамоту на владѣніе всей ихъ землей „на вѣчныя времена, согласно ихъ обычаямъ“ и обложилъ ясакомъ (медомъ, звѣриными шкурами и деньгами). Тѣ же башкиры, которые были освобождены отъ ясака и получили названіе „тарханыхъ“ (личныхъ и потомственныхъ), должны были нести военную службу. Позднѣ Башкирія была раздѣлена на четыре волости — „дороги“ — *Сибирскую*, *Казанскую*, *Ногайскую* и *Осинскую*. Вся организація мѣстнаго управленія сводилась къ подавленію самостоятельности башкиръ и къ ихъ разъединенію.

Въ первой половинѣ XVIII в. была наложена опека на башкирское самоуправленіе: башкирскіе волостные старшины, управлявшіе прежде по праву рожденія, были замѣнены старшинами, есаулами и сотниками, которые стали избираться подъ строгимъ контролемъ администраціи.

На путь болѣе прочныхъ культурныхъ мѣропріятій вступилъ Неплюевъ, первый оренбургскій губернаторъ (съ 1744 г.) ¹⁾. Замыслы его простирались очень далеко, и если немногіе изъ нихъ осуществились, то виной тому было съ одной стороны недовѣріе мѣстнаго населенія, запуганнаго при прежнемъ режимѣ, а съ другой — противодѣйствіе высшихъ центральныхъ властей, непонимавшихъ мѣстныхъ нуждъ.

Первоначальной заботой Неплюева было привлеченіе въ почти дѣвственный край прочнаго земледѣльческаго и промыслового населенія. Но почти всѣ попытки въ этомъ направленіи, — вродѣ поселенія татаръ, съ давнихъ поръ кочевавшихъ близъ Астрахани („кундровскіе татары“), или привлеченія въ Оренбургъ крещеныхъ калмыковъ и т. п., — остались безрезультатными, и хотя самъ Неплюевъ говорилъ, что „съ 1745 г. знатный торгъ въ Оренбургѣ возымѣлъ начало“, однако даже къ концу его управленія въ Оренбургѣ насчитывалось всего лишь 29 человекъ „приписныхъ“ купцовъ, насильно къ тому же переселенныхъ изъ Уфы и Самары. Поневолѣ приходилось мириться съ такими колонизаторами и насадителями культуры въ краю, какъ „непомнящіе“, „гулящіе люди“, ссыльные и случайные искатели счастья. Къ числу послѣднихъ относятся, напр., 200 душъ казанскихъ татаръ, образовавшихъ *Сеитову* слободу (въ 18 в. отъ Оренбурга). Эти татары явились главными посредниками въ торговыхъ сношеніяхъ Россіи со Средней Азіей черезъ Оренбургъ. Неплюевъ замышлялъ было даже о торговлѣ съ Индіей, но его представленіе объ этомъ было отклонено.

Успѣшнѣе были усилія Неплюева къ развитію въ Уральскомъ краю горнозаводской промышленности. Ему удалось провести важную мѣру изъятія горнаго дѣла изъ казны въ руки частныхъ предпринимателей. Результатъ не замедлил обнаружиться: „во многихъ мѣстахъ лежавшіе отъ начала праздно въ нѣдрахъ земныхъ минералы стараніемъ моимъ сдѣлались открыты и желающіе явились заводить заводы“. До Неплюева въ Башкиріи извѣстенъ былъ одинъ только горный заводъ, а въ началѣ второй половины XVIII в. ихъ дѣйствовало уже 28, въ томъ числѣ 15 мѣдныхъ и 13 желѣзныхъ, съ населеніемъ до 20 тыс. душъ мужского пола при 200 тыс. душъ обоого пола всего пришлого населенія Башкиріи. Вызывая къ жизни и всемѣрно поощряя частную предпринимательскую дѣятельность, Неплюевъ въ то же время пытался предупредить захватъ заводами земель въ излишнихъ противъ того, что они могли эксплуатировать, размѣрахъ, но эти попытки были безуспѣшны также, какъ были безуспѣшны ограниченія въ томъ же направленіи и по отношенію къ Пермскому краю: заводы за безцѣнокъ, а еще чаще

¹⁾ Въ составъ вновь образованной Оренбургской губ. вошли, кромѣ земель бывшей *Оренбургской* экспедиціи, *Исетская* провинція съ зауральскими башкирами, *Уфимская* провинція, Ставропольскій у. и *Киргизскія* степи. Окончательное раздѣленіе губерній Оренбургской и Уфимской послѣдовало лишь въ 1865 г.

совсѣмъ даромъ завладѣвали огромными площадями башкирскихъ земель. При преемникахъ Неплюева хотя и принимались мѣры къ устраненію земельныхъ неурядицъ — вродѣ запрещенія продажи башкирскихъ земель (1818 г.) или признанія башкирѣ владѣльцами всѣхъ земель, „кои имъ нынѣ безспорно принадлежатъ“ (1832 г.), но что могли значить эти и подобныя мѣры, когда ни правительство, ни сами башкиры не знали мѣры своимъ владѣніямъ и при переходахъ земель границы ихъ обозначали только урочищами? Въ 1834 г. была образована спеціальная коммиссія для размежеванія башкирскихъ земель, но это примитивное межеваніе вродѣ того, которое еще ранѣе (1815 г.) произведено было (по знакамъ на деревьяхъ) въ районѣ демидовскихъ имѣній, не помогло дѣлу; какъ разъ, именно со времени закрытія названной коммиссіи (1869 г.) и со введеніемъ особыхъ правилъ надѣленія „припущенниковъ“ въ башкирскихъ вотчинныхъ земляхъ и началась знаменитая эпопея разграбленія башкирскихъ земель, вызвавшая въ 1881 г. сенаторскую ревизію. Даже генеральнаго межеванія на Уралѣ не было произведено до настоящаго времени.

По правиламъ 1869 г. всѣ дачи башкирѣ-вотчинниковъ были раздѣлены на многоземельныя и малоземельныя. Первыми считались тѣ, въ которыхъ, за отнесеніемъ на душу (по 7-й ревизіи) вотчинника по 40 дес., могло быть отрѣзано припущенникамъ по 30 дес. на душу (по этой-же ревизіи). Остальныя дачи были отнесены къ малоземельнымъ, гдѣ земля дѣлилась между вотчинниками и припущенниками въ той-же пропорціи. Въ многоземельныхъ дачахъ, за надѣленіемъ вотчинниковъ и припущенниковъ, оставались земли, которыя подъ именемъ запасныхъ по правиламъ 1871 г. были назначены въ продажу безъ торговъ и на условіяхъ, самыхъ льготныхъ для должностныхъ лицъ, водворявшихся въ краю, причемъ попутно съ запасными нерѣдко всякими правдами и неправдами шли въ продажу и собственно свободныя (также оставшіяся за надѣломъ, но по закону отданныя въ распоряженіе башкирскихъ обществъ, безъ приговоровъ которыхъ онѣ не могли отчуждаться) земли башкирѣ. Еще въ первой половинѣ XIX в. башкиры владѣли приблизительно 12 милліонами десятинъ земли; что осталось отъ этихъ милліоновъ до настоящаго времени, будетъ видно въ слѣдующихъ главахъ настоящаго тома.

Военно-административная организація общинъ оренбургскихъ казаковъ получила свое начало при Неплюевѣ. Въ 1734 г. въ Оренбургское казачье войско были зачислены всѣ припленные, водворенные въ крѣпостяхъ Оренбургской губ. казаки. Казаки „крѣпостные“ управлялись комендантами, а жившіе по городамъ и слободамъ — атаманами и старшинами на выборномъ началѣ. Въ 1755 г. былъ изданъ особый штатъ Оренбургскаго казачьяго войска. По этому штату числилось 5.597 чел. казаковъ, изъ которыхъ 1.797 чел. состояли на жалованье. Во главѣ войска былъ поставленъ атаманъ, власть котораго ограничивала власть „войскового круга“: послѣдній рѣшалъ лишь маловажныя дѣла домашняго, такъ сказать, характера; но всѣмъ же важнымъ вопросамъ „кругу“ приходилось только выслушивать рѣшенія атамана.

Въ 1798 г. изъ башкирѣ губерній Оренбургской, Самарской, Уфимской, Пермской и Вятской было образовано иррегулярное войско въ составѣ 12 „кантоновъ“ во главѣ командира отдѣльнаго оренбургскаго

корпуса, причѣмъ старое поволостное устройство сохранилось. Кантонами управляли чиновники изъ башкиръ, а во главѣ волостей стояли юртовые старшины. Главная обязанность этого войска, содержавшаго себя на своемъ коштѣ и получавшаго лишь по 1 р. въ мѣсяцъ на человѣка, заключалась въ содержаніи кордоновъ Оренбургской линіи. Вскорѣ къ башкирскому войску было присоединено мещеряцкое ¹⁾, а въ 1855 г. и войско тептярей подъ общимъ именемъ „башкиръ“.

Въ 1863 г. всѣ инородцы башкирскаго войска были въ гражданскихъ правахъ уравниены съ прочими сельскими обывателями Имперіи. Общественное управленіе казаковъ было организовано также на общихъ началахъ съ нѣкоторыми изъятіями, указанными въ особомъ положеніи о башкирахъ 14 мая 1863 г. Въ настоящее время по дѣламъ хозяйственнымъ башкиры составляютъ сельскія общества, которыя соединяются въ юрты (волости).

Что касается яицкаго (уральскаго) войска, которое находилось также въ вѣдѣніи первыхъ оренбургскихъ губернаторовъ, то о немъ подробно сказано въ ШІVX томѣ „Россія“.

Чтобы покончить съ историческими судьбами Приуралья, бросимъ общій взглядъ на духовное прошлое этой области и на культурные ея успѣхи вообще.

Мы уже видѣли, что русскіе колонизаторы въ сѣверной части области (Вятско-Пермскій край) — среди вотяковъ, черемисъ, зырянъ, пермяковъ — застали сплошное язычество ²⁾, а въ южной и юго-восточной части (Уфимско-Оренбургскій край) — среди башкиръ и другихъ родственныхъ имъ народностей — магометанство, только-что смѣнившее язычество. Пермякамъ и зырянамъ не чуждо было понятіе объ единомъ Богѣ — *Енъ*, который, сотворивъ міръ, устранился отъ управленія имъ, предоставивъ эту функцію духамъ низшимъ, олицетворявшимся въ видѣ разныхъ животныхъ и деревьевъ. Этими низшимъ богамъ приносились жертвы въ кумирняхъ въ видѣ украшеній, которыми увѣшивались идолы, и животныхъ, которыхъ закалывалъ кудесникъ. Кровью животныхъ смазывался жертвенникъ, мясо съѣдалось приносившими жертву, а шкурой покрывался идолъ. Особеннымъ почтеніемъ пользовались — *Войпель* — добрый геній зырянской земли, *Золотая баба* (изображавшаяся въ видѣ каменной женщины съ сыномъ на колѣняхъ и внукомъ у ногъ — съ массой разныхъ украшеній, откуда и ея названіе), знаменовавшая духа горъ, и *Прокудливая* ³⁾ *береза*, игравшая роль оракула: къ ней приходили за совѣтами и предсказаніями.

Совсѣмъ почти ничего неизвѣстно о древней религіи вотяковъ, жившихъ до прихода русскихъ по среднему и верхнему теченію р. *Вятки* и въ низовьяхъ р. *Чепцы*. Но несомнѣнно, что основы ихъ религіозныхъ вѣрованій были тѣ же, что и въ наше время среди тайно и явно язычествующихъ вотяковъ: недаромъ именно эта инородческая вѣтвь ока-

¹⁾ Это башкиро-мещеряцкое войско наводило большой страхъ своимъ дикимъ внѣшнимъ видомъ на населеніе Германіи и Франціи во время походовъ 1813 — 15 годовъ.

²⁾ Небольшая часть инородцевъ — главнымъ образомъ вотяковъ — несомнѣнно испытывала вліяніе магометанства черезъ посредство каринскихъ татаръ, у которыхъ эти инородцы находились въ крѣпостной зависимости.

³⁾ На высокомъ берегу р. *Прокудливой* (проказницы).

залась наиболѣе упорной, позднѣе другихъ начавшей просвѣщаться христіанствомъ. Если вѣрить преданію, племенной языческой храмъ вотяковъ находился въ г. *Болванскъ* (на р. Вяткѣ).

Христіанство стало проникать въ Приуральскую область вмѣстѣ съ новгородской колонизаціей, но неорганизованное вліяніе его очень долго было весьма непрочно. Религіозно-нравственное состояніе мѣстныхъ (собственно вятскихъ) жителей извѣстное посланіе митр. Іоны (1462 г.) рисуется такими чертами, которыя поселяютъ убѣжденіе, что подъ вліяніемъ окружающихъ языческихъ и магометанскихъ нравовъ даже приплытые христіане забывали свое вѣроученіе. Они, по словамъ посланія, были только по имени христіанами, жили, какъ „поганые“ (язычники), имѣли священниковъ, невѣдомо отъ кого принявшихъ санъ, держались многоженства съ благословенія самого духовенства и т. д. Черезъ 30 лѣтъ митр. Геронтію пришлось обличать вятчанъ въ тѣхъ же самыхъ „богомерзкихъ, злыхъ и окаянныхъ“ порокахъ. Точно также очевидно непрочно была христіанская вѣра и среди пермяковъ, которымъ уже въ XVI в. писалъ митр. Симонъ, увѣщевая ихъ „кумирамъ не служить, Войпелю-болвану не молиться, женитьбѣ незаконныхъ (по татарскому обычаю) не творить“ и т. д.

Въ московскій періодъ христіанство сдѣлало въ нашей области большіе успѣхи, хотя вліяніе его и было довольно случайно. Московскія власти въ борьбѣ съ непокорными областями, употребляя всѣ способы, сознательно видную роль отводили насажденію христіанства, но, незнакомыя съ мѣстными условіями, съ религіей язычниковъ, на первыхъ порахъ не могли организовать правильныхъ миссій и лишь оказывали поддержку случайнымъ — мѣстнымъ, или приплытымъ миссіонерамъ. Такую именно поддержку еще въ XIV в. встрѣтилъ просвѣтитель зырянъ Стефанъ Пермскій (см. объ этомъ подробнѣе въ IV т. „Россія“). Дѣятельность Стефана Пермскаго не относится непосредственно до нашего края, но, утвердивъ свою резиденцію въ Усть-Вымѣ, переведя богослужебныя книги на зырянскій языкъ, онъ положилъ основаніе для дальнѣйшихъ успѣховъ христіанства уже въ Пермскомъ краѣ. При пятомъ преемникѣ Стефана еп. Іонѣ проповѣдь христіанства непосредственно коснулась (1462—1463 гг.) „Перми Великой-Чусовой“, лежавшей по верховьямъ р. Камы и лѣвымъ притокамъ р. Вятки. Судя по тому, что обращеніе въ христіанство какъ князя, такъ и народа пермскаго совершилось — не въ примѣръ обращенію зырянъ при Стефанѣ и его первыхъ преемникахъ — довольно мирно, нужно думать, что Пермь до извѣстной степени была уже подготовлена къ этому.

Съ 1555 г., когда въ Казани была основана архіепископія, въ составъ которой вошла между прочимъ и Вятская область, и когда особой инструкціей изъ Москвы предписывалось обращать въ христіанство магометанъ и язычниковъ сѣверо-востока мѣрами ласки и всякихъ снисхожденій, началось болѣе планомѣрное воздѣйствіе на инородцевъ, хотя всѣ мѣры въ этомъ направленіи и были проникнуты духомъ политики. Главнѣйшими изъ такихъ мѣръ были слѣдующія: приказъ отбирать у владѣтельныхъ инородцевъ-язычниковъ крещеныхъ людей (1628 г.) и вообще освобождать новообращенныхъ отъ холопства (1684 г.), распоряженіе о томъ, чтобы вотчины крещеныхъ инородцевъ, по смерти ихъ, непременно переходили ко крещенымъ же наслѣдникамъ (1654 и

1680 г.), разрѣшеніе выдавать крещенымъ инородцамъ денежное пособіе и предоставлять льготы по уплатѣ податей на 6 лѣтъ (1681, 1700 г. и др.), освобожденіе отъ рекрутчины (1722 г.) и т. д. Свѣтская власть прямо приказывала духовенству обращать инородцевъ, строить за счетъ казны храмы и готовить священниковъ изъ новокрещенцевъ. Несмотря однако на всѣ эти принудительныя по отношенію къ духовенству и поощрительныя по отношенію къ новообращаемымъ мѣры, миссіонерское дѣло шло вяло не только въ XVII, но и втеченіе всего XVIII в. Причины этого понятны: невѣжество самого духовенства, противодѣйствіе мѣстныхъ гражданскихъ властей, нежелавшихъ предоставлять новообращеннымъ узаконенной льготы (въ виду деморализаціи, которую естественно вносила въ населеніе эта грубая мѣра), и наконецъ понятное упорство самихъ инородцевъ, поставлявшихъ въ ряды христіанъ почти исключительно корыстный элементъ.

Особеннымъ упорствомъ отличались вотяки сѣверной части Вятскаго края, наиболѣе удаленные отъ миссіонерскаго центра (Казани). Даже съ учрежденіемъ самостоятельной епархіи въ Вяткѣ (1658 г.) при первыхъ епископахъ, заботившихся больше всего о благоустройствѣ своей бѣдной резиденціи, почти вплоть до половины XVIII в. новообращенные изъ вотяковъ насчитывались ежегодно не болѣе какъ единицами и десятками: къ 1747 г. было образовано всего лишь 12 приходовъ изъ новокрещенныхъ вотяцкихъ селеній.

Еще въ меньшихъ размѣрахъ духовно-просвѣтительное движеніе наблюдалось въ это время въ Башкирскомъ краѣ. Здѣсь такъ же, какъ и въ Вятско-Пермскомъ краѣ, начатки христіанства были занесены со стороны.

Выше упоминалось о переселеніи при Алексѣѣ Михайловичѣ въ Приуральскую область поляковъ и представителей смоленской шляхты. Смоленско-полоцкіе шляхтичи — въ количествѣ до 500 чел., всѣ православные — бѣжавшіе отъ притѣсненій на почвѣ уніатства и приведшіе съ собой въ Приуралье даже священниковъ, явились значительной религиозно-культурной силой, благодаря которой, прежде чѣмъ что-либо сдѣлано было для края въ смыслѣ утвержденія здѣсь христіанства и вообще просвѣщенія, появились храмы и школы. Позднѣе, въ XVIII в., когда взялось за это дѣло правительство, мы и здѣсь видимъ въ миссіонерскихъ начинаніяхъ духъ воинствующей политики. Современники свидѣтельствуютъ, что передъ Пугачевской эпохой русскія власти вели крутую борьбу съ магометанствомъ — въ мелкихъ селеніяхъ силой разрушали мечети, а разрѣшали строить ихъ лишь тамъ, гдѣ насчитывалось не менѣе 200—300 душъ мужского пола, насильно поселяли и выселяли жителей, изолируя христіанское населеніе, предоставляли всякія гражданскія льготы новообращеннымъ и т. д. Результаты такого насильственного образа дѣйствій были очень скудны, да и тѣ были стерты въ пугачевскую сумятицу.

Въ отношеніи собственно *народнаго образованія* наша область, разумѣется, не могла стоять выше общаго для тогдашней Россіи уровня образованія, носившаго почти исключительно церковный характеръ. Есть историческіе намеки на то, что нѣкоторые начатки правильнаго свѣтскаго школьнаго образованія на Вяткѣ были занесены въ самомъ началѣ XVIII в. плѣнными шведами, которые будто-бы „произвольно устраивали школы“, обучая нѣмецкому языку, ариметикѣ и „разнымъ

художествамъ“. Можетъ быть, это и было на самомъ дѣлѣ, но слѣдовъ отъ этого никакихъ не осталось, и спустя 2—2½ десятилѣтій, когда епископъ Лаврентій Горка—этогъ „полякъ, иконоборецъ и еретикъ“—устроилъ (1733 г.) сразу 2 школы—элементарную при монастырѣ и нѣкоторое подобіе средняго учебнаго заведенія—будущую духовную семинарію подъ именемъ „славяно-греко-латинскаго училища“, то не только духовенство, но и посадскіе люди и даже воеводская канцелярія оказались такъ мало подготовленными къ этому новшеству, что оказали открытое сопротивленіе „съ дубьемъ и кирпичемъ“, и долго еще потомъ вплоть до XIX в. приходилось силой вербовать учениковъ, а въ случаѣ нерѣдкихъ побѣговъ отвозить ихъ въ колодека. Къ 1760 г. въ этой школѣ насчитывалось уже до 500 чел. учениковъ, а въ 1763 г. при ней была заведена бібліотека. Въ самомъ концѣ XVIII в., при епископѣ Баранцевичѣ (1774—1796 гг.), когда введенъ былъ философскій классъ, учреждены диспуты и т. д., школа приобрѣла характеръ средняго учебнаго заведенія. Позднѣе вятской духовнаго семинаріи были открыты въ *Перми* (1830 г.), *Оренбургѣ* (1800 г.) и въ *Уфѣ*.

Начало свѣтскихъ общеобразовательныхъ, болѣе или менѣе организованныхъ школъ относится къ концу XVIII в., когда наряду съ другими губернскими городами были открыты главныя народныя училища въ *Вяткѣ*, *Перми* (1786 г.) и *Уфѣ* (1789 г.) и затѣмъ рядъ малыхъ народныхъ училищъ въ уѣздныхъ городахъ. Первые преобразованы были потомъ въ гимназіи, а вторыя—въ приходскія и уѣздныя училища.

Съ главнымъ народнымъ училищемъ въ Вяткѣ случилось почти то же, что и съ духовной школой за 50 лѣтъ до того: вятскій намѣстникъ на первыхъ порахъ набиралъ въ это училище учениковъ „силой своей власти“, причѣмъ ему удалось привлечь всего лишь 43 чел. Уже въ 1797 г. такъ объяснялась малочисленность учениковъ въ главномъ народномъ училищѣ: „здѣшніе обыватели... неохотно отдаютъ дѣтей своихъ въ народныя училища... Многіе лучше хотятъ ихъ заблаговременно пріучить къ познаніямъ въ домашнихъ дѣлахъ и для купечества и мѣщанства нужностяхъ“.

Нѣсколько ранѣе зародилось въ Приуральѣ специальное образованіе, и это совершенно понятно въ виду съ одной стороны горнопромышленнаго характера края, а съ другой—въ виду окраиннаго его положенія. Первые горныя училища были основаны Татищевымъ еще въ 1720 г. въ *Кунгурѣ*, *Соликамскѣ* и на заводахъ; такая же школа въ 1722 г. появилась въ *Екатеринбургѣ*, а въ 1734 г. тому же Татищеву данъ былъ наказъ устроить хорошую горную школу въ *Перми*. До этого времени горную службу несли лица „шляхетскаго званія“, которыя для практическаго изученія горнаго дѣла отправлялись на Уралье. Вотъ этихъ-то пришельцевъ и приказано было Татищеву „испомѣстить“ въ *Перми*, близъ Строгановскихъ вотчинъ, отведя имъ земли столько же, сколько они имѣли ея ранѣе; для дѣтей же ихъ, а со временемъ и вообще для дѣтей мѣстныхъ дворянъ, подъячихъ и неслужилыхъ церковниковъ устроить „хорошую“ школу.

Другой типъ специальныхъ школъ водворился въ *Оренбургѣ*. Здѣсь еще въ 1732 г. была учреждена „гарнизонная школа“, въ которой, помимо общеобразовательныхъ предметовъ, преподавались солдатская экзерциція и артиллерійская и инженерная науки. Еще при Не-

плюевъ зародилась мысль объ основаніи военного училища высшаго типа (при Неплюевѣ начатъ былъ сборъ на это училище), но только въ 1825 г. былъ открытъ Неплюевскій кадетскій корпусъ. Мѣстное инородческое населеніе, поддерживаемое муллами и вообще стариками изъ иновѣрцевъ, не хотѣло на первыхъ порахъ отдавать своихъ дѣтей въ училище; распространилась молва, что дѣтей тамъ будутъ содержать въ стойлахъ и вообще мучить. Позднѣе возникло здѣсь и еще нѣсколько военныхъ учебныхъ заведеній, о которыхъ рѣчь будетъ впереди.

Своеобразно было и первое (о которомъ имѣются извѣстія) общеобразовательное учебное заведеніе въ Оренбургѣ. Оренбургъ, какъ и вообще Оренбургскій край, издавна служилъ мѣстомъ ссылки для уголовныхъ преступниковъ и „людей порочнаго поведенія“ ¹⁾ изъ разныхъ мѣстъ Россіи ²⁾. Въ 1739 г. изданъ былъ указъ о водвореніи сюда и семействъ ссыльныхъ. Къ 1744 г. въ семьяхъ этихъ ссыльныхъ насчитывалось около 200 чел. дѣтей мужского пола въ школьномъ возрастѣ. Вотъ для нихъ-то и учреждена была школа, въ программу которой вошли: „россійская грамота“, „чистое письмо“, пѣніе, исповѣданіе вѣры и первоначальная ариеметика. Учителемъ русскаго языка на первыхъ порахъ былъ одинъ изъ учениковъ мѣстной татарской (крещено-татарской?) школы ³⁾.

Въ первой половинѣ и въ началѣ второй половины XIX в. немало было сдѣлано въ смыслѣ насажденія средняго и, пожалуй, городского вообще образованія въ нашемъ краѣ, причемъ въ кругъ этого образованія постепенно вошли и женщины, но народное образованіе въ тѣсномъ смыслѣ этого слова находилось въ самомъ плачевномъ положеніи вплоть до введенія въ трехъ губерніяхъ Приуралья земскихъ учреждений (въ Вятской—въ 1867 г., въ Пермской и Уфимской—въ 1870 г.). Такъ, въ Вятской губ., которая въ разсматриваемомъ отношеніи можетъ считаться передовой, при введеніи здѣсь земства насчитывалось (разумѣется, какъ и вездѣ, отчасти номинально) 212 школъ въсѣхъ вѣдомствъ, въ томъ числѣ 184 мужскихъ и 28 женскихъ, въ которыхъ обучалось 7.636 человекъ, такъ что на 1.000 душъ населенія приходилось 3,3 человекъ учащихся. Не лучше обстояло дѣло и въ Пермской губ., гдѣ почти на той же самой площади и почти

¹⁾ Лишь въ 1831 г. прекращена была ссылка въ Оренбургскую губ. порочныхъ людей.

²⁾ Въ отношеніи культурно-историческихъ судебъ Приуралья нельзя не подчеркнуть различія между Оренбургско-Уфимскимъ и Вятско-Пермскимъ краями, какъ мѣстами ссылки: въ то время какъ Вятско-Пермскій край принималъ на своей территоріи такой культурный ссыльный элементъ, какъ плѣнныхъ шведовъ (1709 г.), французовъ (1812 г.), поляковъ (1863 г.), и такихъ видныхъ историческихъ лицъ, какъ Михайлъ Никитичъ Романовъ (1601 г.) и гр. Сперанскій, а впоследствии Герценъ, Щедринъ (Салтыковъ), Павленковъ и др.,—Оренбургскій край, за малыми исключеніями, заполнялся дѣйствительно отбросами русскаго общества.

³⁾ Къ сожалѣнію намъ ничего болѣе неизвѣстно объ этой школѣ, хотя есть основанія полагать, что въ отношеніи школьнаго образованія инородцы и вообще-то были поставлены лучше приплаго русскаго населенія. Такъ между прочимъ въ 1785 г. было сдѣлано распоряженіе объ устройствѣ школъ при всѣхъ мечетяхъ Оренбургскаго края, а еще ранѣе (1743 г.) въ г. Елабутѣ Вятской губ. была основана—наряду съ 3 другими городами (Казанью, Цивильскомъ и Царевококшайскомъ) школа для новокрещенныхъ инородцевъ—главнымъ образомъ для вотяковъ. Правда, эта школа просуществовала очень недолго, но интересенъ и самый фактъ попеченія объ инородцахъ.